

ТАТЪЯНА ЩЕРБИНА

〇〇

АЛЬМАНАХ ЛИА Р. ЭЛИНИНА

Выпуск 5

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО
Р. ЭЛИНИНА

Москва 1991 г.

ББК 84Р7—5
А 57

**Альманах ЛИА Р. Элинина: Альманах.— Вып. 5 /
Сост. Р. М. Нурудинов
— М.: Литературно-издательское агентство Р. Элинина
1991.— 246 с.**

4702010202-5
А Р. №—614(18.10.90)-91 без объявл.

ISBN 5—86280—010—7 © Шербина Татьяна Георгиевна, 1991
ISSN 0869—107X © Составление и оформление.
Литературно-издательское
агентство Р. Элинина 1991 г.

Ольга Хрусталева

ПРЕДИСЛОВИЕ БЕЗ БИОГРАФИИ

Так много поэтов и только одна пифия
на целое поколение.

Б. Юхананов

Все мы вышли из Даля и Ушакова,
все мы дети какого-то словаря...

Т. Щербина

По ней сверялись внутренние часы общего ощущения времени, духа того поколения, что осваивало мировую традицию и прощалось с традиционализмом, пробовало на прочность авангард и постмодернизм, уходя в "новую культуру". Поколения, чьи индивидуальности сформировались, а настоящая жизнедеятельность началась где-то в конце 70-х - начале 80-х годов. С ним у Т.Щ. всегда были особые, накоротке, отношения, определившие целую россыпь предчувствий, предощущений, по прошествии нескольких лет обернувшихся просто-таки поэтическими пророчествами, особенно отчетливыми, поскольку преосуществлялись на наших глазах. Достаточно упомянуть только посвящения Саше Башлачеву и Виктору Цою, не говоря уже о взаимоотношениях с социумом и политикой, не опережая отсчет шагов в третье тысячелетие. Эти сломы, уходы, склоны и взлеты поколения переживались Т.Щ. куда более явственно, потому что - поэтически, и может быть потому, что она оказалась посреди (чтобы не сказать - в центре) двух литературных течений, не примыкая ни к одному из них, - концептуализма и метаметафоризма. И словно бы пережидала, предпочитая "не вступать ни в секту, ни в игру, ни в цех, ни в клуб, ни в шайку, ни в орду", словно настаивала

слово до брожения сразу всех смыслов в нем, чтобы потом оказаться одним из родителей, одним из создателей - нет, не течения, а того большего, что поименовалось и живет как "новая культура". Что получало приличное образование в привычных местах, как, например, французское отделение МГУ, дисциплинировало знания, скажем, в театроведческих аспирантурах, а после открывало себя - в другом. Поэзии, например.

Но часы сверялись не напрасно. И теперь, отмахивая назад, отрадно фиксировать по текстам Т.Щ. собственную привязанность к классическим ритмам и выверенным стопам. Некоторые из них до сих пор меланхолически бормочет память:

Если мы доживем до апреля,
То в апреле поедем на дачу.

Это за ней уже тогда водилось: нелюбовь к метафорам, которые делают жизнь чем-то вроде чужого платья на вечер, и строгое взыскание со слова, позволявшее за расхожим выражением слышать предупреждение судьбы: если доживем. И умение потаенное передать не называя:

Отойдем на холодной постели
От бессонницы этой горячей.

Но мир еще был тогда прочен, кристалличен - в сборнике первом стихов "Цветные решетки" (1981), слишком застыл, чтобы воспринимать его как-то иначе, чем через решетки, из-за которых и сквозь вряд ли проникнет что-либо, кроме меланхолических напевов - Я плачу оттого, что нет грозы.

Как зелень ядовита в это лето.

Такого фосфорического света

Нет в каталогах средней полосы, -

да внезапных ударов осознания "в пустыне и жить, и умирать нелепо", а заниматься можно разве раскрашиванием по клеточкам. Нерастраченные слезы предчувствия собственного языка, которые перехватывали горло и давили скрытой немотой, еще не умея свободно изливаться словами, выговаривая жизнь, заговаривая тяжелую поступь судьбы. Потому-то первая и последняя пока поэма называлась "Лебединая песня" (1981).

Еще не вошло в художественный обиход одно из центральных понятий "новой культуры" - жизнь после смерти, - а Т.Щ. уже прощалась с собой, той, что вскармливалась на подозрительных сливках советской литературы. Прощалась с жизнью, там описанной и созданной:

Не спит художник, не предастся сну.
Метро "Аэропорт", горят все окна.
Вон там роман кропают про войну,
а там комедию...

Т.Щ. ее не вспоминает, и здесь не стоило, когда бы не - справедливости ради. Когда бы не желание разбить оковы поэтических формул (позже превращавшееся и в прямые декларации "поэзия не так уж глуповата", и в программную лирику - "Нешопеновский этюд"), избавиться от регулировщика в виде хорошего тона литературы. Тогда же были найдены спасители - просторечие и миф, которые, быть может, всегда ходят рядом. Благодаря им возник "Новый Пантеон" (1983) - порождение странное в своей органичности, как дракон о трех головах, по-настоящему первое, потому что родившееся в другой, этой, новой жизни.

Не определенная еще в очертаниях сфера держалась, как водится, на трех китах - поэзии, сказке, философии. Хотя ни один из них себя так не определял. Стихи были обозначены как "мифологические предпосылки", сказки (прозаические штучки) - "входы" в Н.П., а философия именовалась - "Просторечие. Интекст". Не стоит искать здесь лукавство, увертки или намеренность: Новая Земля говорила на трех языках, еще не слившихся в единый. Но оттуда, с этой территории, стало очевидно, что решетки, крепившие мир, рухнули, а сам он предстал как свалка = музей = аукцион предметов, слов, идей, оборотился номинативным хаосом, где всего - по два, как хромосом, по паре, как тварей или бинарных оппозиций. И осталось только пересчитать, перечислить, уложить в стопочки: "Это наши разведчики и их шпионы, это наша оборонная мощь и их гонка вооружений, это наше соблюдение государственных интересов и их государственный произ-

вол/.../; это я его люблю и она меня достала, это мы ценители прекрасного и они жалкие эстеты, это мне дарят, а ему дают взятки, /.../, это я занимаюсь делом, а ты занимаешься ерундой; это мы как свободные люди и как они смеют, это как им не стыдно, а нам никогда не стыдно/.../", - и уйти. Потому что "верен отказ и неверно согласие". Поэтические скрижали нового уже начинали заполняться, потому что хаос переживал метаморфозы, а мертвая природа получала энергию преобразования.

"Натюрморт с превращениями" (1985) скрещивал поэзию с прозой, классические жанры расцветивал электронным барокко, в царстве видел лабораторию, а в лабиринте - план, и смысл - в абракадабре:

Говорить на чужом языке не зная грамматики
подбирая слова с предвкусеньем их смысла
и связи:

Поэзия! Месопотамия! Архипидекс!

В нем перечисления накапливали новую логику, еще не зная, чем завершается цепь метаморфоз. К этой книге примыкала и первая крупная проза Т.Щ., которую не хочется определять как роман, потому что у "Исповеди шпиона" есть собственное и куда более точное определение жанра - "особняк" (1985). Одновременно и место обитания, и жанр повествования, где может присутствовать что угодно - комната и дворец, пустыня и сад чудес - и кто угодно - Автор, Я, Сирена, Господин Слуга, Жмусь, Ангел, Нарцисс - человек, тварь, абстракция, о которых рассказывать можно как угодно - от автора (от Автора), от первого лица (Я сказала:...), от улавливателя=воспроизводителя - видеотранзистора. Жизнь в Особняке уже определенно другая, потому и стоит особняком, потому и позволяет воскликнуть с определенностью: "Началась эра магии. Конечно началась!".

Вот это-то восклицание и зафиксировало главное превращение, последнюю метаморфозу, которую следует правильное или откровеннее назвать - мутацией. Той, прсывляющей и выращивающей в человеке (данном случае - поэте) новый, не названный пока орган. Тот, что замечает, регистрирует тон-

кие магические вибрации, умеет с ними и в них работать. Им-то и записан "Ноль Ноль" (1987), начинающийся на пределах разума и души, еще не ставших новорожденным Андрогинном, но уже готовых шагнуть в его беспредел:

 Приятель мой, мутант неотверделый,
 безумный мой собрат неукротимый!

 У рвоты и поноса есть пределы,
 и вот они. Да вот они, родимый.

И там, за нейтральной территорией, где в паре нет оппозиций - ноль-ноль, - в цвете черного и белого, в ответах отрицаний и соглашений, там жизнь разворачивается от Пасхи к Рождеству, а поэзия сворачивается в коан как в кокон, внутри которого тайна. Ход же к ней известен с детства, только изрядно подзабыт: "что хотите, то купите, да и нет не говорите, черное и белое не носите. - Вы поедете на бал?".

I

Ноль Ноль (1986 - 1987)

ПРЕДИСЛОВИЕ

НОЛЬ НОЛЬ - это и *tabula rasa*, и стол, уставленный всем, чем можно его уставить. Ставить дальше - только дублировать, да и ставить некуда: только вторым ярусом, что - опять же - дублировать. Так что НОЛЬ НОЛЬ все и ничто, и дубль. НОЛЬ НОЛЬ - это вершина культуры, и точка ее падения, и равнина, *style neutre*. Субъективной прихотливости, индивидуалистического выпада за или против - вот чего здесь нет, вернее, он присутствует как узор, изгиб синусоиды.

"За" - плюс один, плюс два, плюс сорок.

Дальше - слишком жарко и - смерть, искупительная во времени НОЛЬ НОЛЬ только, когда вместе с ней на всех циферблатах мира вдруг начинаются новые сутки: НОЛЬ ОДИН. И тогда - другие законы. Другая жизнь, другое небо, и момент этот близок, что понятно каждому, кто не спит в полночь.

"Против" - минус один, минус сорок,

и - вечная мерзлота, из которой героя когда-нибудь извлекут, как мы - мамонтов, так что он сыграет свою роль.

В этом пространстве-времени-ноль-ноль человек-существо-Ноль-Ноль не может быть назван по имени, но гадания о нем составляют живописное напряжение культуры. Гадание все же - вид лукавства, после него тянет к простодушию.

О ПРЕДЕЛАХ

Цикады, мой Рамзес, поют цикады.
Цикуты мне, Сократ, отлей цикуты.
В ЦК, не обратишься ли в ЦК ты?
Нет, брат моя разум, я, душа, не буду.

Постройки, мой кумир, смотри, постройки.
Мы разве насекомые, чтоб в ульях
кидаться на незанятые койки
и тряпочки развешивать на стульях?

Открой ее, Колумб, отверзь скорее,
вести земную жизнь упред потомок.
Куда податься бедному еврею,
куда направить этот наш обломок?

Приятель мой, мутант неотверделый,
безумный мой собрат неукротимый!
У рвоты и поноса есть пределы,
и вот они. Да вот они, родимый.

МАЧЕХА

Володе Сорокину

Борщи компоты и рассольники
варила Золушка в кастрюле,
которая на подоконнике
в шумерской солнечной культуре
видала за окном пейзажики
помоек строек демонстраций,
а в спальню к непорочной Машеньке
Иосиф приходил...

В кастрюле же из чиста золота
мутнел бульон из синей птицы,
и только перец черный молотый
(как подновляет тушь ресницы)
спасал птенца зазеленевшего.
В окне зазеленевший полис
встречал прохладой утро, лезшее
будильником, чтоб жнец, торговец,
кузнец микенско-критской хартии
узрел, что рядом не пантера,
а знатный хлебобоб, член партии,
и коль родит, то пионера.
За что же Золушке по харе-то?
за то что жизнь у ней кастрюльная,
кастрюля кровью хоть не залита,
сравнима - с погребальной урною,
на ней гравюры процарапаны
костью нежнейших птеродактилей,
слезами липкими закапаны
блядей и золотоискателей.
А Мариванна мужа потчует

и Золушку бранит, не зная,
что потому что непорочная,
поэтому и неродная.

1987

Н. Н.

1. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

НОЛЬ НОЛЬ есть пункт и время отправленья.
о дня, где о - колечко шланга, но,
где но - пожарной лестницы деленье
(подглядывать за будущим смешно)
мензурка, где свой пост уже скумекал
о головастик, длись в глазках молекул,
но - между горло режущих осок,
о морс, о марсианской вишни сок!
О риск, но риск, о - высь небесной ранчо,
но - вышка Джомолунгмы Коммунизма,
да разве я могла приехать раньше,
когда так велика моя отчизна:
косичка просоленного хребта
бросает тень на солнечную чакру,
ей не зарубцеваться никогда,
раз мне идти на мост, а не под арку.
От корки до подкорки только шаг,
но он в объезд по окружной дороге,
он - организм, он защищен, мудаки!
Мой трупик, ты отсюда делай ноги,
здесь диалектика, здесь нет дороги.

2. ОБРАЩЕНИЕ

НОЛЬ НОЛЬ, ты вовсе не величина:
ты бич числа. Что на тебя ни множу -
все ты один. Да, я увлечена,
и к твоему приглядываюсь ложу.
Твое прикосновение - синяк,
ты - числовыводитель, бензобак,
как в черную дыру в тебя не ухнет
лишь меднокожий памятник Петру.
Я, всадник табуреточный на кухне,
гляжу, что дело движется к утру,
что розовеет в серой мгле рейхстаг,
и кажется, что все стихи - пустяк,
и люди все искусственны как Голем.
Ты, медиум меж числами и полем,
лежащим за шлагбаумом шкалы,
ты признак мира, где мы не глаголем,
откуда только сыплются нули -
ты призрак, нет лица, глупейших черт,
придумать, разгадать его - о боже -
Ноль Ноль, к тебе, как всякий интроверт,
я тяготею. Тяготенье - тоже
паденье. Потому кончаю - лежа.

3. О ДУШЕ

И к душам относясь как гинеколог
к таинственным отверстиям акме,
я нахожу до стадии иголок
дошедшие в них нити макраме.
И в точках остроты, на грани краха,
узор, ломаясь, вьет себя в гнездо.
Свалявшаяся пряжа - чаша праха
(но может быть, конечно, и ландо)
горшок, куда летят как стрелы иглы,
на что они, когда мишени гиблы?
Колчан уж полн, узор плешив и редок,
такой же вид имеет сеть разведок,
наверное. Везде летает моль,
в искусственных волокнах мышц и тока
летает, падла, сотворяя ноль
в плетеньи хитром. Прямо рвет с наскока
носки, в которых греется нога
души. И видно, как она нага.

4. ВЕСТНИК

Оставив при себе слюну средь пира,
я смачиваю ею желчь сухую,
я даже куропаточек любила,
но все с почтовым голубем воркую.
Не свой и не чужой, он вестник или
шпион, предатель, переносчик, датчик,
хожу в стирающем - всем миром - мыле,
прополоскаться - не хватает прачек.
А он несет невидимые кванты,
женьшени, пробы грунта, чьи-то песни,
и так я собираю эсперанто,
но ты его уже не слышишь, вестник!

У нас была одна натура: веник,
цветы, кувшин, на пару - женщин пара,
мы рисовали: ты - как академик,
я - как примитивист и как попало.
Младенцам высоко, что взрослым - рядом,
они и просят, чтоб их взять на ручки,
хотя меня потом кормили ядом,
но жил во мне дебют любимой внучки.

Посол зверей, Д. шевелил ушами,
а М. соплей перешибал предметы,
был Р. из мест, где учатся ножами
приобретать особые приметы.
Слетались неудачники и психи,
и звезды, и сидящие в Шамбале,
они передавали мне улики
своих миров, и этим жизнь продляли.
Он склонен к воплощеньям, вестник или

шпион, предатель, переносчик, датчик,
ты так мне нужен, Ноль из звездной пыли,
все прочее - театр трико и пачек.

1987

ЖЕНСКИЙ ТЕАТР

(пьеса для любого количества
любых персонажей ж.п.)

Перцовый пластырь не разжигает падучей.
Цветные таблетки плывут себе в пасмурной
шизофрении
Мозги над бездной желудка нависли как тучи
К легким прилип никотинный иней.

Хорошо в телевизоре, в его приоткрытой дверце
быть цветной неживой приятной
Вон старые перечники, вон молодые перцы,
а настоящее - как царство небесное - непонятно
(и как овца: к чему она клонит, к шерсти ли,
к молоку ли,
ну непонятно, ну хули).

Вот я буду кукла с кличками,
скажем, девочка со спичками;
сиротинка, свет несущая,
роль воистину засушная:
Прометей безгеройного времени, то есть без
клички -
это именно девочка. Свет ее маленькой спички.

Или Золушка. Жизнь - пополам,
по ночам - в халатике - по балам,
днем халатик стирает.
И ее раздвоенную личность везде попирают.

Нет, не то. Жизнь теперь и нежней и моложе.
Я буду Джульеттой, возлюбленной сына врагов.
Гражданина Монтекки, конечно же, вышлют, ничто

Я границу нарушу. Мне вышку дадут за любовь.
 Политический шаг моей смерти - прозреньё народов,
 чтоб они жили в мире и не сводили
 бессмысленных счетов.

Нет, еще помоложе. Лолита. Не вундер, не кинд,
 но под задницей Рихтера так не поднимется винт.
 И пасутся в сенате, в конгрессе, в совете:
 не должны быть забыты - вдруг
 так и не вырастут - дети.
 Что останется Гумбертам? Братъ интервью
 у детишек.
 Так рождаются ясные мысли из тайных страстишек.

(А если б знали, из какого сора
 растет и мировая скорбь, и ссора,
 тогда и сероглазый бы король
 не дал ей героическую роль).

Знай уроки истории: если жертвенный пафос и
 праведный гнев
 у куклы смежаются с пола на стену, с портала
 на неф,
 и как туча с небес она глянет и вдруг
 прослезится,
 значит, это царица. Катерина.
 Катерина Иванна Вторая.
 Все одно она в царском дворце как
 луч света в сарае.

/хор:/

Завидная участь: не в дурдоме, а тоже с плюмажем.
 Будь же ты персонажем, так надо другим
 персонажам.
 История - пьеса, и ты не мешай ей писаться,
 стань стулом, подушкой, чтоб было к чему
 прикасаться.
 Ах и быть бы как все, но как все поголовно,
 включая рептилий.
 Роль прозрачна как тень, ты проходишь

как маршал сквозь смыслы и стили.
Где святые отцы? На экране. И там же глухие
поселки,
В них исламский разбой и артисты с тобой
на прополке.
Ты как будто на грядке - нет,
сам ты в безвестной могиле,
здесь твой призрак.
Поймав на волне мою грезу, ее подкрутили,
одинок в эфире свистела она, не в программах;
и меня подсекли. И теперь вот я жду этих самых
кукольных дел мастеров,
что придут меня класть в коробок, перевязывать
лентой,
чтобы я была хоть невидимкой в коробке,
хоть кем-то.

ЭРОС ПОЭЗИС

Дурь семейства конопляного,
запах роз и "J'ai osé",
вкус кумыса полупьяного,
нежных мусса и безе -
в мире нет такой инъекции,
нет такого и шприца, -
так сказала б я на лекции
с идиомой лица.
А сама лежу и думаю
совсем напротив, в пятистопном ямбе,
что башмачком хрустальным, крупной суммой,
я не владею, чтоб остаться в тампле
"Июль в Москве". Нет горя мчаться в Сочи!
Индийский чай подкрасит одурь ночи
в цвет фернамбука, в самый злой загар,
с которым не живут ни дольше утра,
ни дальше мест, где читится Камасутра:
шипит р а г у там, где затих у г а р ,
ось палиндрома /"ха" на "ах"/ - насмешка,
и уайт стал блэк: гарь, копоть, сажа, пешка
взамен противуцветных королевств.
Постоем женихов-невест
становится все та же Плешка.
Теперь мне впору зарыдать
и солью слез эякулировать:
любовь есть только повод дать,
поэзия - артикулировать.

1987

* * *

Что для вегетатики события
городского зуда-куража,
а в черте искусного соитья
жизнь бывает очень хороша.
Кискин-брыскин! Стайка нежных кличек
ходит следом как пяток детей.
О ничтожнейшая из привычек -
дегуманизировать людей!

Вся любовь - заведомое против
самого блатного бытия,
принадлежность к неземной породе
говорит в движениях ея.

1987

НЕСОПЕНОВСКИЙ ЭТЮД

Рай гранулированных гор в аду тусовок,
фольварков, парков, рош, могил для двух кроссовок,
скудельницкий джаз-рок, биг-бенд, и на трахее
играет соло мой скелет, душа, психея.
Морена, маяя, маета! Как ряса, ряска
скрывает, что тощей кнута в неволе ласка,
и что у тела тыла нет и веры нету,
и сыплет бабочка-душа пыльцу по лету:
цветные порошки теней, румяна, пудру
не в мисс Диор, мадам Шанель и фрау Бурду,
а в негритянское лицо, стекло ночное,
где будто свет и будто что-то там такое...

1987

* * *

Мой идеологический противник,
мой внешнеполитический каприз,
ты там ли, где тропические ливни
смывают с тротуаров юрких крыс,
ты там ли, где в овальном кабинете
есть тайный уголок,
да ты вообще на этой ли планете,
милок!
Ты, может, полководец в звездных войнах,
а может, тело звездное уже,
да разве я могу здесь жить спокойно,
тебе слагая оды на верхе,
на вираже я уязвима перед
гуляющими по тропе
империи - народ мой свято верит:
тьма - в темном прошлом, и еще - в тебе.
Так что мне светит, кроме треугольников:
кто Вегой был, тот станет Бетельгейзе.
А Южный Крест, созвездие католиков,
тебе дан, чтоб глазеть, а мне - чтоб грезить.

1987

* * *

Саше Башлачеву

Так было тошно, что я что могла, то ломала
 и все было тошно, все мало
 тут открылась калитка, и ты, принц-Улитка:
 футболочка с Моцартом, два свитера, куртка,
 гитара
 (вернее, в обратной последовательности).
 Улитка, твой домик, где лампа разбита,
 горящему хутору - пара.
 Мы выпили чай на кухне, но все было мало,
 не отвести было глаз карих от серых и серых
 от карих,
 и телемостик меж ними прорезался в облаке хмари.
 Третий на нем не умещался, но все было мало,
 мы за руки взялись, ядерный принц,
 мы просто взорвались и в космосе обнялись,
 и все было мало.
 Мы очнулись опять на земле, где мой муж
 и твой поезд
 объединились в границу, где кончается полис.
 Вологодское кружево не плетется из крошева скал,
 но коль скоро вернешься,
 лиловой звезды на груди, правда, слабый накал
 ты узнаешь. Хоть этого мало,
 я остальное когда-то уже поломала,
 и ты, кроме двух, принц-Улитка, антеннок,
 наверное, всё поломал.

* * *

Пуль не надо, сердце рвется само,
тащится в добровольную ссылку
думать. Цитрамон? Нет, само.
Море, в тебя ли я тыкаю вилку,
в шницель, в творог?
Проплывая октябрь в молочной галактике,
организм продрог
и неконтактен.
О чем же я думаю? Вдали дом, по которому ходит
чужой,
и чужбина, где бродит близкий
(бродит близкий=Бродский, но не он), хорошо,
так о чем я думаю? Дом, где тяжело,
и чужбина, нарядная как мультяшка.
Я не выберу, все само.
Вот зима. Сначала только белые пятна,
но вообще - вода.
А мной покупают билет туда
и мной же - билет обратно.

1987

* * *

Линия, выцветая всласть от частых стирок
от смены танцев испестря ориентиры,
ступая, кожа - в плен притирок,
душа - придинок,
ступая осторожным тапком на кафель,
она и босая в летящий снег, ступая в кайфе,
переступила огонь, и стены
прошла насквозь,
и все еще вопрос измены - вопрос.
И все еще теряя память о жизни целой,
слепая страсть замучит верностью прицела,
и рушатся дома - и слухи - и под откос,
и все еще вопрос разлуки - вопрос.
Как в казни "тысячи кусочков", в тысячу точек
воткнулись иглы стрелы струны, один гвоздочек
рубиновый, звезда Кремля, сирена скорой,
правительства и воронка - всё разговоры.
Уже все ясно, все уснули, анабиоз,
и все еще вопрос "что́ будет" - вопрос.

1987

брось реквизит для лесной опушки!
Узел на диафрагме ожил,
моргнул глазок:
"это тоже пьеса, но для оперы и балета,
я бы голос и тело твой поберег" -
вот что мне бормотал глазок.

Я - чайка. Нет, не то. Я - актриса. Нет, не то.
Я не Сольвейг, не Суок, не Джульетта,
я в пустыне отыщу родничок,
я верблюдицей домчусь до живой обители!
Но знаю, что дома ты спишь, как сурок.

Зооморфизм спасителен.

1985

ПАСХАЛЬНЫЙ КОАН

А. Белкину

Горло - не бублик, а крендель,
в горле завинчен вентиль
буквы, которой я поперхнулась.
Цензура сообщает спине сутулость
или солдатскую прямоту.
Узнику совести - свободу осанки!
Не спросите: что я этим приобрету,
я поеду с горы, подарите мне санки,
а то у меня не дом - аэродром,
все куда-то взлетает с моей стоянки,
мне бы букву вниз протолкнуть как тромб.

С самолетов Земля - голова кругом,
с ракеты - месиво, на какое не взглянешь трезво.
Прыгаешь вниз - глядь, трясешься на карусели
цугом,
прыгаешь вверх - глядь, все человеческое исчезло.

В раковине рта булькает вода:
буква пробка кляп.
Сделать этот шаг, этот жест, этот ляп,
вынуть этот кляп, показать его народу,
спрятать концы в воду, а конек вдруг показать?

Но народ воспитан тоже, у него семья и дети,
и его пугать негоже даже частью буквы этой.
Улетает день в коляске, человек в страшной
тряске,
очень странные салазки, очень странная ракета,
и в разрезе воздух - вензель как чугунная ограда,
и переступить не надо -

дыбом мост как конь ночной,
жилка бьется, и форель оставляет лед в прожилках,
позвоночник, стройный хвост,
вздрагивает как ручной.

И за горлышко ведет на поводке
меня рыба во дворцовом городке
по пробору, по живому - по реке.

Я по крепости карабкаюсь назад,
до окошечка, что видит Ленинград,
до слепого, с линзой

(вот он - акт сгушения стекла),
раскирпичивайся, воздух, чтобы рыбка проплыла!
И кремлевская стена легла Невой,
и казалось бы, ныряешь с головой -

тихо буквы точно лодочки в сезон по озерцу
повезли свою поклажу по Садовому кольцу,
все повылезли из горла, на платформу из купе,
вот и воет в этом горле как в эловой трубе.

КЛУБНИЧНАЯ ПЕНКА

Поролон клубничной пенки - репродукция счастья,
творившегося как пролог варенья.

Подлинник Моны Лизы со стенки я бы
сняла в запасник,
и писать бы не стала стихотворенья,
влюбляясь в труд.

Все что не светится, не пересилит лени.

Будь у меня Гомер объяснить маршрут,
не чертила б я карту открытого моря,

ютясь на шлюпке,
взяв у гипсовой девки весло, вздернув парусом
юбки,

я плыла бы за паклей, связующей бревна в сруб,
к большому буфету с запасом мышей и круп.

Будь у Гомера медный таз, керосинка,

усы на грядке,
он бы розочку пенки клубничной взрастил на даче.
Можно жизнь любую построить в любом порядке,
но золотое руно в ней должно маячить.

Отплывая от дождевых червяков и осиных гнезд
через таможи, где ключ отбирают и рвут амулеты,
я лечу, замечая, как тает на солнце воск.

Кобальтовый воздух по ночам означает лето.

(Ах, брызги зеленой крови летнего сладострастья,
цветастое платье кожи и браслет на запястье.)

Клубничная пенка, розовый коврик у входа,
пеленка,

в которой туземцы подкидывают ребенка.

Я не могу полюбить их наколок и пик

и ищу не выход, а очередной тупик,

где светится киноэкран, золотое руно-мираж,

было б оно одно, но и тут тираж,

потому что светящееся окно оказывается квартирой,

и колдунья - женщиной в бигудях и еще - придирой.
Череп козочки с рогами глядит со стенки,
на нитке кораллы застывшей клубничной пенки.
Я дышу радугой кислородных трубочек
среди рогатых изобильем тумбочек.
И если есть какое-то лечение,
то это Крит, Калипсо, приключенье
назло компьютеру с глазами кролика
я панцирем окостеневшей дрожи
хватаюсь за тускнеющую кожу
и не священника зову - историка.

1986

ПРЕ

Ты Ниагара - я Сион,
не то чтоб ты с меня как с гуся
вода: ты аква-аквилон,
орел Аквила над Марлен Манон.
Во что играю я, так явно труся
перед игрой в бидуедублькуплет,
в насыщенный двоеньем запах прели
и прелести, тандема двух штиблет
Абраксаса, коль это брать в пределе?

ты-я - ин янь - мы не слились в одну,
две Девы, брак лесбийский, где из двух
ты - пес, я - лошадь.
С нами был пастух.
Ты к своре отошел, я к табуну.
И вот уже меня клюет петух,
а я лягаюсь -
то каменотес пришел к горе, он Магомет!
Наслышанность
все время порождает в нас сюжет,
итак, я среднерусская возвышенность,
и он не камень тешет, дерн уже.

Я поросла травой, длиной превысившей
сосенки корабельные, я пре-
платок на косы брошенный и выцветший,
что занавесом стал в моей игре.
О пре, прелюбодействие-прелюд,
фата воды, орел, клюющий печень,
но хвост петуший - огненный салют
ночь засветил, салют тот вечен, вечен!

САФФО И АЛКЕЙ

Прелестница и поэтесса Саффо
могла ль любить соперника, Алкея?
Размером с дверцу платяного шкафа
перед ней стояло зеркальце, краснея,
когда в нем отражались губки феи.
Перед ней лежало зеркальце, бледнее
от белизны, как Зевс от Амалфеи.
Став линзой и мчась как автострада,
оно взопрело. Где молчат Орфей,
там пела Саффо, не сбиваясь с лады:
"Ты отражаешь, значит, ты отрада,
и значит, я на свете всех милее
и всех румяней, значит, и белее".
Зерцало ей в ответ: "Курлы-мурлы,
Алкей такие ль возносил хвалы?
Он говорил: Что я! Богини тень!" *
Бунт зеркала, какая хуетень,
но Саффо скаканула со скалы.
Алкей же, некрофил, кричал ей: "Саффо!
Да я плевал на эту дверцу шкафа,
и что за радость в платяном шкафу!
Чтоб отразить тебя, мою Саффу,
я изобрел алкееву строфу".
"Любила одного тебя, Алкей,
и, если любишь, - донеслось из дали -
саффической строфой овладей,
и чтоб ее твоей предпочитали".

1986

* вариант для произнесения вслух:
Он говорил: "Что я! Богини след!"
Бунт зеркала, ничтожнейший предмет...

К ТЫСЯЧЕЛЕТНЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Я с пишущей машинкой как с гусями Боян.
Из SU в зеркальный US
как папа в Ватикан
летит аэроплан, и вот что грустно:
арс лонга - вита бревис, и на Курский
ползет троллейбус, а зеркальный US
показывает нам свой джаз и блюз,
и ты в нем отражаешься, мой русский,
мой язычок-экспозиционист
erect-eject-солист, великий житель рта,
любовник губ, захватчик ротозеев,
аэроплан вернулся к нам сюда,
и в сердце родины пустил стрелу Эрота
(не то что арс повынуть из музеев -
ее извлечь не могут полк плюс рта).
Мой принтер, цитра, в штате безэтажном,
ночном и летнем, вита кратче йота,
и с кем-то в сочетаньи эрмитажном
брожу по штату, где живут не строки,
а только то, что я считаю важным,
Курехин, Виноградов и Сорокин.
Им родина отдаться не спешит,
иммунодефицит ее страшит,
а у Земли во рту два языка,
сменяя звук деревьев на хэви-металл,
приперли в Ватикане старика
взрывной волной, а он о том не ведал.

1987

ПИСЬМО СОВРЕМЕННОМУ

/Д.А. Пригову/

Вы складываете в сундук
как театральные одежды
литые бронзы всяких мук,
как части речи, так и крошки.
И груды мрамора ее
спускаете в подземный люк,
и оттого у нас метро
роскошней городских лачуг.

Я Вам приписываю роль
ну вроде демиурга в пьесе,
где текста нет, а есть пароль,
неконвертируемый в прессе:
"Метро, откройся", скажем. Ба!
Да Вы и есть Али-баба.

Энергокризис. Ни души.
Потенциал лежит в шкатулке.
Ее вам сунули: держи! -
пока богов вели с прогулки.
И Вы стоите с ней как Ной,
а люди, не жалея поту,
словам давали смысл иной,
чтоб вызвать, наконец, зевоту.
О памятники слез, мочи,
слюны - всех наших отправлений!
И говорили Вам: молчи,
здесь пишется стихотворенье.

На Вас пора смотреть как на
героя, на протагониста,

но пьеса не сочинена,
и я могу писать Вам письма.
Ура, мы живы, хорошо!
Но пьеса пишется, могли бы
на ход ее влиять еще
не авторы, но прототипы.

1986

NO SMOKING!

Программа на завтра: не курить, не кури,
брось курить.

Пусть перед государством ты бессилен,
глубоководен и голубожилен,
но ты кузнец здоровья своего.

А что поэты - мак и конопля,
дурманят и дурманят. Вспомни, вспомни:
одна строка - а людям вечный кайф,
подумай же о них. Думай. Думай о людях.

Программа на завтра: английский язык.
Юнайтед Стейтс, как много в этом звуке
для сердца русского, на этом волапюке
не квакается как в родном болотце.

Мне как-то не приходится бороться
ни с недостатками, ни даже с катастрофами,
все борются, а я сижу вот тут,
трусливому здоровью смелость духа
противопоставляю - и курю.

Но правотой своей я не кичусь,
что капля никотина может лошадь
я знаю, и на лошади той мчусь.
Не дай вам бог меня опять тревожить,
несбывшимся здоровьем укорять
и будущим страны дразнить и ободрять.

Конец перекура. Программа на завтра:
сигарету в час, сокращая до десяти в день.
До чего ты докатилась, русская литература!
Вот так разнервничаешься и опять куришь,
хотя только что...

Только что бабушка учила меня русскому языку
и хорошим
манерам, дед читал Пушкина, Есенина, Блока,
а мама сказала: собери игрушки в ящик -

и уже говорит: не кури.
Только что все было тихо,
я писала программу на завтра, и было это вчера,
но я пишу на завтра, иначе я не только
не проживу,
но даже не буду знать, что надо было жить,
и умру без уверенности, что на Земле есть жизнь,
что у нее есть Бог, что мы не одиноки
во Вселенной.

Эти знания, по-видимому, еще пригодятся.

- Голос Америки из Вашингтона. Извините, что мы вас перебили.

- Ничего. Мы всех вас перебьем, если вы нас перебьете. Так сказал Заратустра.

Все говорят, что никто не спасется, но я думаю, что кое-кто спасется. Кто не пьет, не курит... Не кури. Ну можешь ты не курить хотя бы сейчас, когда над миром нависла ядерная угроза!

Программа на завтра: английский язык. Я сделаю этот первый шаг в протягивании руки дружбы Соединенным Штатам Америки, заговорю с ними на их родном языке. Может быть, тогда они поймут, и на Земле будет то что надо. А курить я буду, потому что у человека должна быть слабость и некоторое заблуждение.

Прослушайте программу передач на завтра и вам там скажут то же самое.

* * *

Не знаю, не знаю, какая там вита нова,
какая нью лайф,
не дожидайся отлова,
голосуй батискаф:
не может рыбак
любить рыбку сырой и здоровой,
это только собак дрессируют на благо собак
(было бы жаль болонку, которая одичала).
Раз начавший сначала начинает все время сначала,
то есть, кадровая чехарда.
Нож в спину (наносится как всегда
жертвой фрустрации) - то и скука,
опять аборигены съели Кука,
опять ты это правильно пойми,
о рыбка, о рыбак, о друг наш сука,
не заводи ни государства, ни семьи.

1987

* * *

Саше Еременко

Не орел не решка - значит, вопрос ребром,
не король не пешка - значит, и ход конем,
хиты истории повторяются не дословно.
Мне декабрь подкинул, подлил - бескровно
снятую шкурку вытершегося овна,
золотого, живого, но шкурку сперва, конверт
с козырным королем внутри, с погашеньем марок,
на которых крыша, жена, приварок
(им - привет);
паспорт, товарищи, лучший подарок.
Значит, в моем садке шелкопряд для Парок
новый подрос, и вплетают Парки
паутину "гознак"
в краснокожую паспортину, чтоб дать мне знак:
без тебя и с тобой, золотой мой волшебный овен,
час неровен.
Уподобленья барану и агнцу здесь нет,
но и им - привет,
ибо марка, монетка, карта и крестный ход
обороткой имеют ход зверем, язык, рубашку, Сашку
и плановый, так сказать, приход.

1987

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КОАН

из романтического театра и
жизни Генриха фон Кляйста

Красную жидкость, над краном склоняясь,
пили актриса и князь.
Князь был в дубленке - на выходе,
на выходе и актриса
в шубейке из черного крыса,
оба трезвехоньки, но в прихоти
пригубления красности.
В наши дни жизнь стоит вне опасности,
всё в ней - красочность: СПИДА вот, в частности,
базилик, президентов анфас.
В ванной над краном склоняясь,
главное - актриса и князь!
Мирно посвёркивал кафель,
но что-то случилось, будто бы крышка
отворила драконову кровь,
а не спирт из флакончика "Эликсир для зубов".
Наступал год дракона, знатоки говорят, что дракон
страсть и ужас вполне мог запрятать в обычный
флакон.

Пригубив же, актриса и князь
договорились (в отличие от глав государств,
которые договорились оружие -
здесь не так важно что -
уничтожить) оружие это достать
и выстрелить в сердце друг другу
в красивом пейзаже, подобном весеннему югу.
Эта дуэль, этот выход и крышка,
при (как перво)губивший и кровь,
эта трезвость, барашек и крыса - всё знаки,
отметины.

Года три - трем шестеркам драконьим ответим мы.
О князьки и актриски земного театра,
мы последняя ваша любовь!
Вседержители слов, мы отныне у вас отнимаем
весь словарный запас,
чтобы вы не сказали: мы всё понимаем
и значит, что спрашивать с нас.

1987

II

Из кн. "Натюрморт с превращениями"
(1984-1985)

ТАЛЛОМ

талло́м /слоевище/ - тело низших растений и грибов, не расчлененное на стебель, листья и корень. - СЭС

Говорить на чужом языке не зная грамматики
 подбирая слова в предвкушении их смысла и связи:
 Поэзия! Месопотамия! Архипидекс!
 Сколопендра в Китае скитается в поисках Азии
 Дура закона сгущает отсутствие. Лех!
 В паскудине яйца лежат, вылупляясь в галактики
 (волшебная бяка, на жабском аргю "брекекекс")
 А что еще белого с сахарной снежностью Арктики?
 И заговорное слово - словёный талломовый текст.

Vuon giugno мажорно посылаю фиаско с оказией
 там порно не порно, а смотришь подозрно в трубу,
 а там адаманты, мутанты и tante
 голых племен эндебу (en debout).
 Племен и племянниц танцованный танец
 понтовые панты рогов
 рыгаю рыдаю рокою скорбею и имя меняю на кров.
 На кров, на кровати чего там скрыватьи
 в кровати лежит человеческий род
 друг друга мутузит чумазит вантузит
 сей семиотический скот.

Последнее слово в талломе - желай слоевищу
 какой-нибудь новой не употребляемой связи
 туда порошка таблеток капель и мази
 и на жар - приготавливать плотоядную пищу.

* * *

Я лепесток, я лепет, я лепешка,
Целуй, цели и, цели подражая,
Открой меня, а там опять матрешка,
Внутри последней - мельница большая,

А я лепешка, я росла с дровами,
Заметь, что печка - не судьба пожара,
Где клен горит кленовыми листьями,
Здесь всё - дрова. И только капля дара,

На спичке капля пламени недвижна,
Я лепесток, я платье для росинки,
Я лепет биополя полки книжной,
И ты, все уходящий по тропинке...

Лицо в преображении невнятно,
Не обернись: там еж, медуза, морда,
Чтоб жить еще - есть линии и пятна,
Не пойманые в сети натюрморта.

1984

НАТЮРМОРТ

Дзынь - Бум - Хрясть:
тут упасть или там упасть,
семя чувствует почву как жадную пасть.
То ли падать не надо, а надо стоять
как последняя проросшая в воздухе белая травка,
и безумный гравер, с золотыми чернилами кафка,
пишет: "Семя сие удалось непорочно зачать".

А семя Дзынь - Хрясть - Бум:
отправиться наобум
то ли к эдакой матери, то ли к эдакой матери,
то ли плыть сиротой на подветренном катере:
оазис - ура! оазис - ура!
Все какая-то мура.

Хрясть - Бум - Дзынь:
мать моя - солнце родом из желтых дынь,
отец - бумеранг месяц лунный олень,
между ними - евклидова параллель:
il - отражение il, elle - отражение elle.

Семя, которое как мотылек, как форель
бьется бьется о свет фонаря,
запертый за стеклянную дверь...
Натюрморт: тьма египетская в базарный день.

* * *

Скисает молоко - его душа, туман,
Сковала город, разведя нас, горожан, по фонарям.
В подзорную трубу позорного столба
Я различаю свет, я, силуэт раба,
В котором говорит высокородный ген,
Я Галилея внук, собака-Диоген.
Я оттепели плод, подснежника дитя,
Нарцисс, я зеркало дыханья и питья,
В меня вросли и крест, и смерть, но в претвореньи
По жилам речь течет - то кровь, то сердце -
ком воображенья.
Я пью свой млечный путь, туман слепых небес,
И в мареве не знать, что мы бирнамский лес,
И фонарей огни нас не сожгут:
мы дышим, как родной,
Водю, сывороткой, пылью ледяной.

ХОРОШО ЖИТЬ В СТОЛИЦЕ

Столица там, где улицы - столы,
что ломятся, накрытые для пира,
а толпы ломятся то с пира, то на пир:

бульварчики зеленые
закусочки мудреные
парков К и О,
и по асфальтной скатерти
тарелочки сервизные
цветных автомобильчиков
снут чтобы накладывать
всего всего всего.

Оградки - ножевилочки, дымится в урнах плов,
коньячные бутылочки отборнейших ментов.
Во рту искусства тают, и рот всегда открыт,
гранит науки грызть кладбища предлагают -
не жисть, а кипяток, в столице все кипит.

Подносят книжки сладкие,
консервы струйной музыки,
и старым кремом каменным
манит к себе театр.
Дают плоды вареные
в компотницах музейчатых,
и свежемороженным
не портится кино.

Но жители столичные на стенку лезут с жиру-то,
там птички свили гнездышко под самым потолком.
У птенчиков отнять хотят единственное, ироды,
и их кормящи матери бьют птичьим молотком..
Вот так-то вам, негодные,

развратные и шkodные,
что вышли, как голодные,
тайком из-за стола.
Садись в шампанском в лодочку,
лови багром селедочку,
а косточки - в помоечку,
где мама родила.

1984

У ХУДОЖНИКА ДМИТРИЯ ПЛАВИНСКОГО

алфавит
травинки след /ступни/
бабочки
крест /рук/

Язык трется о зубы как о кремни́
высечь пламя рта - звук.
Косный и робкий язык как кол - рыбой - глаза
и хребет,
види: глагол-угол-клин.
Изограф
клинья сочтет, каждая кучка - один иероглиф.

Молочная глубина веков,
мутно горящие маяки,
красная геометрия крестов,
а насквозь Яшерица, Я или Бог
глядит, проклюнув взгляд во льдах белков.
Травки, тетракрыты, плавники.

А в цинке и в меди
бедные буки, важные веди,
дугая дельта, сигма соседей в омеге окна,
сушеные жители, литеры, ткани,
и где-то, теряясь вдали, в океане, стена.

α - 5

Сию в саду Гесперид, пью древнегреческий чай.
В небе светятся Зевс и Аид,
и доносится керберов лай.
Медея сидит со мной за столом
и рассказывает историю с золотым руном.
Скрипит калитка, входят Тезей и Ясон.
Они уже поделили руно и поют в унисон
грузинскую песню, и наливают вино.

Я вижу все это в вечерней зелени,
кипарисы стоят как застывшие эллины,
волшебное руно спрясть Медее велено.
И она как Мойра прядет грузинам,
чтоб родились в рубашках.
Черное море спит в сошедших с Олимпа белых
барашках.
Белокожие афродиты выходят из пены в черных
кудряшках.

Одиссей яблоки собирает в корзину.
Пенелопа укладывает спать гесперид.
Я учу и сравниваю грузинский и древнегреческий
алфавит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БЕССОННИЦЫ

Вот на гребне хохолок,
вот на небе потолок,
на постели лежность в теле,
хоть душа летит в метели,
хоть в буране, в бушует,
сны сверкают в чешуе.

Вот на улице лампадка
у плаката. Вот заплатка
на мутнеющий закат,
щит безумию - плакат.
Тьма во рту горит, мятется,
дурно пенится, не пьется.

Чисел в ячейках капель,
ночи злая колыбель.
Вот в посудине остуда,
стыд насытился досуда,
а отсудова - в свету
смысл теряешь на лету...

1984

КРИК ОБЕЗЬЯН

И лишь крик обезьян,
Вечерами, среди тишины,
Угнетает прохожих,
Бредущих под ясной Луной.

Ли Бо /пер. А.Гитовича/

Когда днем обезьяна смотрит в воду, она видит там обезьяну, и разговаривает с ней, и гримасничает, и позирует, и наставляет.

Когда ночью обезьяна смотрит в воду, она видит Луну и хочет достать ее, и прыгает вниз; и тонет, и дикий крик - подвига, обмана, нищенства жабр (или все-таки крыльев?), ошибки, самоубийства, самопожертвования, конца света, всемирного потопа, изгнания, избранности, бессмысленности, оторванности, оставленности, разлуки, героизма, знания, потери, свершения рока...

1983

ТБИЛИСИ

Верчусь, а не лечусь, и маюсь в твоём
зубосверлильном кресле,
Москва, зачем я здесь рождаюсь и умираю
в Цхнетиском лесе!
Шоссе Коджорское все гонит на пик с отвесною
стеною,
Кишит огнями преисподней ночной Тбилиси подо
мною,
И я, как в бесноватом лифте, гляжу на май еще
затворней
В калейдоскопе лиц и листьев, под хрип Куры
с Арагвой в горле.
Я щеки розовым накрашу, закашляюсь чахоткой
лисьей,
Чтобы не голой замарашкой мне - в театральный
гуд Тбилиси!
Воскликну: батоно Ромео, меня родные оборжали,
Облаяли твои Монтеки! Как призрак на руинах
Джвари,
Стою ручным и нежным барсом, что был убит
недобрым Мцыри,
И нет спасенья чужестранке ни в странных снах,
ни в странном мире.
Я поняла в горячке этой, зачем риторика грузинам,
Иначе - смерть им, перегретым, и только
нитроглицерином
Луны рассыпавшийся бисер, сиреневые статуэтки
Деревьев, и во всем Тбилиси - такие ангельские
детки...

ПОЭМА ЦАРСТВА И ЛАБОРАТОРИИ

Целый день была домашней кошкой,
день еще побыв цепной собакой,
ночь болталась лебедицей в клетке,
утром оземь стукнулась царевной
и пошла инкогнито по царству.

Слова навязли на зубах, и я закрыла пасть, и
пусть

не спеть не спать не пить не путь

(к ране рта - подорожник),

а землю всю покрыл асфальт,

и зелень - это не природа,

а в цвет покоя кислородный сад.

Запах экологии отбивает запах фармакологии.

Все новые слова суть термины,

рифмующиеся легко как фамилии.

А запретное слово скажешь - выздоравливаешь от

горя.

Горе - психосоматический синдром,

имитирующий картину шизофрении кистиявазовского

"Йодосолевой раствор, подключенный к

гидроэлектростанции".

Испытываю иллюзию любви, искусственно

удовлетворяя

естественную потребность в социальной

активности.

Людоеды обвиняют людолизом в бесхребетности

(хорду!)

Позвоночники идут как по маслу масляное (ходу!)

Вертебратья! Мы держим голову высоко благодаря

стеблю,

проросшему из луковицы, вынувшей ноги из земли!

Мы будущие внутренности птиц,
 троянских птиц на Спике, и авгуры
 по нам гадают. Разве это свет,
 когда фотон размером с черепаху,
 и Ахиллес догнать ее не может,
 а мы аннигилировали вдруг.

Человечество рухнуло в подсознание Геи,
 у нее нервное истощение, потому что мы ею
 питались питались питались питались
 Слова на зубах развязались,
 я вытрясла их на подорожный листок,
 силовые линии распределили их так.

Царство царевной пройдя,
 я стала больше царства,
 и оно поместилось во мне,
 став меньше меня,
 и это была лаборатория.

Слова мои брили логобритвами, резали
 азбукорезами,
 а они регенерировали как планарии.

путьумлуч и звездастрастела - у них свадьба
 родные народы становятся гулиями и гуляют
 путьумлуч-муж расчленился натрое
 звездастрастела-жена сняла с себя триединство
 муж должен развиваться изменяться изменять
 жена должна остаться сохраниться сохранить

"Сейчас же уходи из лаборатории!" -

надпись зажглась голосом повсюду

обступила уплотняя пространство;
 воплощая

когда все стихло, это оказалась я,
 из меня стало что-то прорасти

выплескиваться...

Я старею, то есть, живу быстрее.
Душа умеет, а тело
не выдерживает времени, пушенного в пустоте.
Я думаю, что смерть - это достижение скорости
света.

1984

ПОЭМА ОБ АБСОЛЮТНОМ

1.

Что есть абсолютного, хотя бы у той же Тани?
 Портрет кого-то такого старого, что просвечивают
 ткани

вплоть до провалов памяти, ставших мышцами.
 Белые тельца, сыпящиеся крупницами.
 Неразличимы извилины и морщины.
 Женские прихоти определились в чертах мужчины.

На голове каждый волос - струна,
 потому что он внутренний голос.
 И на эти волосы, и на эти голоса
 на портрете легла кляк

са.

Но это не кляксовость, а фресковость:
 фреска за фреской офсетка на телеэкране.
 Расфокусируйте эту гиперреальную резкость!
 В стереозеркале - все как утопленники в ванне.

Но все время запотеваает, делая кляксу мутной,
 крестик - рубец на гладком лице миокарда.
 "Я умру, я не могу без тебя абсолютно!"
 Холст называется: Географическая карта.

2.

Смотрим, что есть абсолютного по углам квартиры:
 С Новым годом (что тянется вплоть до 8 марта).
 Стенной календарь, затыкающий цифрами дни, как
 дыры.

Хоть бы салют, праздничный залп инфаркта!

Если купить творожную массу и кекс весенний,
 может быть, наступило бы воскресенье.

В моде календари, и не то чтоб в моде:
смотреть на цифры будто на звезды. - это не смысл,
а ночное небо.

И в астрологическом роде:
вдруг бы на всех табло и во лбу - одно сочетание
числ.

3. /посв. Пушкину А.С./

Поэт - как глупая свеча на пианино,
вся расцвела в юпитерах стоватток,
бессмертна, безъязыка и невинна,
поэзия не так уж глуповата:
и мраморный подсвечник сыт, и цело
нарядное, витое свечье тело.

4.

Ниче абсолютный нуль, -27,3 по Цельсию.
Конечно, я в космос не выйду, буду сидеть дома.
Ну целься, инопланетянин противный, целься!
Сердца там нет, я его давно отдала другому.

В груди дыра, и ветер свищет как в трубном поле.
Дыра всегда заполняется всякой дрянью:
мыслью о грязном белье, безвыходностью, рублями -
стреляй в десятку,
это не больно!

это то же, что кнопки переключать на экране
крестик цифра глагол запиши законом
два неудержимо делится на три
там в межзвездном достигли нуля там в моем
закономном
воздух разбух и не помещается в кадре.

5.

Суд! Абсолют.
Спасут! Абсолют.
Салют! Абсолют.

6.

У меня, как и у вас, особняк и много слуг:
радионяня - ух!, а видеораб ласкает мне зрение

Прачка Эврика (хорошенькая!), выезд - тройка вслух.
Жигулей,
 посетители - модели новой общности людей.
 Челядь: гарсон-телефон и всякая сволочь -
фен, кипятильник
 и мелочь пузатая: будильник.

7.

Не буди меня, мой свет, не буди.
 У меня то рубец, то дыра на груди.
 То суд, то спасут, то салют - быть не может,
но есть. Не буди.
 Все рабы вокруг, а камин как друг:
 в страховнике с ним тепло и уютно.

Дыра (на экране: Ура!)

Рубец (на экране: Конец!)

Я умру, я не могу без тебя абсолютно,
 там всё врут -

это ты абсолют!

это ты абсолют!

это ты абсолют!

1985

согласятся плестись в хвосте
у цветущей истории. Топорно лежать в канавке
в тени разборчивой сорной травки.

Ты, превращающий кучу людей в кучу навоза,
дай мне сил не жужжать пчелой и не пахнуть розой,
продвигая громоздкое тело речи к его итогу.
Вот уже абрикосовый свет - снег, и кружит дорогу.

1985

АКРОСТИХ

- а) Мы рассказываем в стихах свою биографию,
а я разгадываю метаморфозы света,
и это имеет прикладное значение:
нам предстоит превратиться вскорости -
в скорости.
- в) Все же личная моя судьба связана с замершим
обликом: зеркала, речи, ушедшего или могущего
быть ушедшим. Я не люблю метафор. Я люблю ус-
ловие, при котором амеба делается змеей, плос-
кость объемом, я люблю место, где самолет от-
рывается от асфальта, где целуются рыба,
задышающая воздухом, и птица, не дышавшая в
воде.
- т) Я не вижу длительности, потому не пишу
романов.
Стихи - магические яйца птицы Феникс, поэзии.
В чужих стихах ценю деталь.
- о) Мой главный недостаток - небрежность
к контексту,
мое главное достоинство - знание точек.
В омушении универсального родства не испытываю
интереса к индивидуальной психологии, в част-
ности, собственной.
Добиваюсь совпадения при наложении двух таб-
лиц: логоса и магии. Вот, по-моему, задача
современного языка (гуманитарного текста),
больше ее решать некому.
- б) Я соотношу себя со всеми: нет живых и мертвых,
великих и ничтожных, художников, обывателей и

- разбойников, писателей, торговых работников, учителей, парикмахеров, рабочих, колхозниц, пьяниц, чиновников, ученых, вульгарных, трепетных, млекопитающих, хладнокровных, которые не отзывались бы во мне как "я".
- и) Моей тупости к тем, кто не отвечает как "я", стыжусь. Это какая-то априорная ненависть и брезгливость. Так, я убиваю комара и таракана, не думая о них. Так, при виде определенных зданий и людей, я впадаю в аффект и грязно ругаюсь. Понимание неправоты правоты не прибавляет.
- о) Люблю, когда смешно от большой глупости (в стихах, например) - здесь чудо. В том, что задумано как смешное, юмор, сатира - уважаю надобное ремесло лесного санитаря и городского дворника.
- г) Собственно национальная, поселенческая, родовая, клановая моя принадлежность сказывается во всем, но сознаю я себя "гражданином мира", представителем - ни Боже мой председателем - земного шара во Вселенной, бюджетляжкой - да, это хорошо. О половой принадлежности: она значима в моем "обыденном сознании" и мифологическом инстинкте; свойственная женскому типу орнаментальность мышления явственно проступает в цветных решетках и махоньких маргинальных картинках, но я воспринимаю это как китайское в себе. Я, объективированная в текстах, или тексты, сотворенные мною более, чем переданные - соотносимы с иными мужскими сочинениями, с женскими они явно разнополю.
- р) Знаете, я от руки тут написала "клановая", а выглядит как "классовая", смешно. А без "знаете" непонятно, кто должен смеяться. Знаете, я смеюсь редко и подолгу. А часто и кратко вообще ничего не делаю. Знаете, знаете, знаете...
- а) Акропроизведение, т.е. производное от автобио-

меня с краю (акрон) - на полях, на краю слова и тела. Стих нашел, говорят, а тут акра нашла, и в этом смысле тоже стих. А так - чистое надувательство, конечно. После чего это случилось - скрываю, как всегда, потому что поводы, хоть они есть действительно, не входят в мою эготопографию.

- ф) То было "вы", а теперь "они": говорят, будто я пишу сложно. Это неправда, и вот я объясняюсь (и в любви, и как анекдот объясняют). Я пишу просто и ясно в том, в чем. Более популярное, равно и менее популярное изложение изменяет смысл. Эту фразу я говорю уже не в своей ясности, а приблизительно - как понимают. Они. Это особое сознание, что существуют какие-то "они".
- и) Я мы это - вот мое местоименное пространство. Особняк-гарем - вот мое социальное пространство.
- я) На самом деле я уже столько о себе писала, можно бы и еще, и еще, как Лев Толстой, который очень любил детей, но это ужасно скучно, слава, слава последней букве.

1984

* * *

Диафрагма дрожит как мембрана. На улице гам.
Мышца сплетенья в диастоле, в систоле. Пульс
Излучает сигнал - так рана кровь посылает врагам,
Заклячая с врагами никому не понятный союз.

Телефонный звонок - грубая телефонная связь.
Чтоб она порвалась! Но не рвись, не рвись,
не рвись:
Я гуляла, трудилась, смеялась и даже дралась,
Но без Вас, но без Вас - не совсем настоящая
жизнь.

Что пишит на частотах неслышимой высоты
Диафрагма, когда "я" говорит гортань?
- Осторожно, прохожий, ты, ты, ты,
Ты острый-стеклянный, будь так добр, не тронь,
не рань.

1985

РУСАЛКА

Я русалкой иду, как скрываются в дождик в плаще.
Я на берег всегда выхожу в золотой чешуе.
Скажут: вот море плеснуло блеснуло хвостом при
Луне.

И тысячеглазый увидит подобье во мне.

Город, город, ты стар, и в очках разбираешь едва,
Что у Дара в руках покрова на меня и права,
И как он по чешуйке снимает с меня чешую,
Как бестрепетно я и как нежно на свете стою.

И чешуйки ложатся в сосуд целокупный из Фив.
Ветер долог, полет его медлен, и воздух красив.
Как снежинки летят, как чайники - мой строгий
наряд.

Скажут: видите, море сверкает, и чайки парят.

Вариации на тему "Евгения Онегина"

1. ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ

О сила глагола, жгущего сердце кайлом,
и кожу - клеймом, и голову - утюгом.

Всякую безоружную и живую

жгуший и выжигающий

губы - глаголом губить,

море - глаголом морить,

травы - глаголом травить.

Игра слов, что стала битвой

при кладбище любимой из многих планет,

потому я против глаголов

и за - предмет.

Витиеватый зефир - не засохни,

витальный томат - на прогний,

не выдохнись апельсиновый запах Жени,

которого - без всякого женья -

люблю повторяя всего лишь движением губ:

лю-уб...

Но поцелуй без сюжета не жарок,

а театр перешел на какую-то скучную драму,

и вот старая сцена нам принесла в подарок
две кулисы; две армии, черную и белую манну.

Я воздух читаю: читай! как алилуйя -

поэзия как ледяная глагола огонь отведет.

Отведе^т - это ле^т света, замерзшего в мускул.

Когда мы ложимся рядом, небо запотеваает,

и тусклая ранка на месте снятой печати

затягивается в храм.

Мы каши не варим, из манных крупинок свершая

корабль, прицельно оскаленный храм.

Побирая глаголы Земли, мы лежим на снегу

поэзии, рукой обводящей
наготу
сцены.
И я беру ее руку - строку.

1985

2. О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Передо мной - Малларме. Переводить - не могу.
 Как безумная, на пустую смотрю страницу.
 Рисую орнамент, похожий на синюю курагу,
 И синий цветок, как всегда, похожий больше
 на птицу.

Позорный вопрос "зачем" благозвучнее петь.
 Поющая лень избегает внимательных глаз
 напряженья.
 Я спешу как в трагедии: исполнить и умереть.
 Я пою свое "до", свое "ля", отпусти меня, Женя!

Отпусти Лорелею козой погулять на лугу.
 Со скалы скакануть в неподвижное море ночное.
 Если ночь умыкнула тебя, я до света могу
 Только Гейне, Сафо и скалу. И поэтому ною.

Там из фавнов и нимф макраме накрутил Малларме.
 Моя дикая кровь виноградна, и косточек горка -
 Пирамида Хеопса в моем вавилонском уме,
 Но дрожит, как Земля, и глядится в сейсмограф
 подкорка.

Сделай мне замечание. В угол поставь.
 Уложи меня спать. Утопи меня в Рейне.
 Посади за машинку и тюкать заставь,
 Чтобы я не свихнулась на этом катулловом пенье.

Стефан Малларме

ПОЛДЕНЬ ФАВНА

(эклога)

ФАВН

Увековечу нимф.

Их легкий ореол

Румянит воздуха невидимый подол;

Витают в гуще снов.

Так я влюблен в виденье?

Иль ночь мне нанесла всю эту кладь сомненья?

Ее не примет лес, мне не очертит грань

Поутру хрупкая деревьев филигрань.

Я все вообразил: победы и укоры.

Неужто...

женщины, чьи восславляю взоры, -

Ошибка чувств - и все? Подумай, ловелас,

Ведь все твои мечты не тронут синих глаз

Прохладной, роднику подобной, самой славной.

Другая - вся порыв, он разве не для фавна,

Как легкий ветерок в жару твоей шерсти?

Нет, обморочен зной, и духота почти

Недвижна - утро хоть и бьется, свежесть помня,

Водю не журчит, свирель мою не полня

Аккордами из роц; а ветерок опять

Готов один на двух соломинках сыграть,

Так разоидется звук, еще сухой и колкий,

В дожде - и горизонт без милостливой шелки

Откроется тому, кто, метя далеко,

Небесный свод пронзил, искусно и легко.

О сицилийские брега тиши болотной,

Хвальбы мои - и те от здешних солнц дремотны,

Пусть говорят цветы, в их искрах путь мой жив:

"Как я срезал тростник, талант ему внушив

Дол призолитовый провидеть; винограда

Зеленый блик омыть в слезинках водопада,
 Овечьей белизной шелковить зноя пыл -
 Так родилась свирель: от лебединых крыл,
 вознесший мой прелюд. Нет, то наяд кульбиты,
 Не лебедей полет".

В час пекла, весь разбитый,
 Злюсь, что ансамбль исчез, вопрос оставив мне:
 Не спутал ли я всех, желанных в полусне?
 Смогу ль проснуться вдруг, как юноша, мятежен,
 Волнами света сжат, и одинок, и нежен,
 Достойный образец лилейной чистоты?

И только уст моих секреты не святы:
 Особый поцелуй воспет как верх коварства:
 На девственной груди моей печаль из царства
 Неистовых божеств, на мне зубов укус -
 Но хватит поощрять к таинственностям вкус!
 Тростник! Двойник, о ком ты здесь в лазурной тени
 Поешь, отнес к себе игры моей волнеье,
 И в долгом соло ей мечтается дуэт,
 Что дразнит красоту, запутывая след,
 И, скрывшись между ней и песней легковойной,
 Возвысит до любви тот "Способ", как примерно
 Обозначают флирт двух чресел и хребтов,
 И вытянет из их невнятных полуснов
 Мелодии росток, бегущей фуги главы.

Сиринга, подчинись, о инструмент лукавый,
 И зацвети в прудах, где ты меня так ждешь.
 Надменно возбужден, обожествляя сплошь
 Всех идолов, смогу заклать их яркой тенью
 Тугие пояски, отдамся наслажденью:
 Из винограда так я высосал вино,
 И чтоб не сожалеть, чтоб было лишь смешно,
 Я к небу поднял кисть поблескивавших впадин,
 И кожицы надул тех бывших виноградин.
 Я жаден, пьян, до тьмы я в стебля срез смотрю.

Ах, нимфы, вспомним все, и воздуха струю
 Вдохнем. "Итак, мой глаз, сверля тростник, и в
 нимфу
 Метнул копьё - студи, вода, ей кровь и лимфу!

Как вопль ее речист, как меток был ожог,
Как волосы в волнах кружит незримый ток!
Вся - дрожь, вся - свет, о вы, жемчужины-подруги
(Беспомощно пусты в истоме долгой руки,
Сплетенные вотще), на помощь к вам спешу,
Гурманки нежные, я вас не разбуду.
И с ними на руках лечу в лесок пахучий,
Где вянет стайка роз, став ненависти тучей,
Поскольку солнцу весь отдали аромат.
И наши шалости здесь явно не попад".
Что ярость девственниц в сравненьи с дикой

страстью!

Священный груз мой стал меня скользящей частью,
И сменой судорог губам моим сквозь страх
Ответит. Я держу две молнии в руках,
Бездушность чувственной связав с сердечком шалой,
Что, чуть с невинностью простившись, влажной стала
От слез или иных не столь печальных мук.
Мое злодейство в том, что, победив испуг,
Я поцелуями рассек густые пряди,
А боги целость их блюдут чего-то ради.
Как ни стремился я сдержать свой жгучий смех,
Нацеленный в одну (но он касался всех,
И палец вызвал вдруг в ней истинное чудо:
Зардевшись от сестры волнением, покуда
не ведавшим огня как тающий ледник...)
Из рук моих, что сил лишилась в лучший миг,
Добыча вырвалась, я пьян еще рыданьем,
Неблагодарность - вот ответ моим страданьям.

Что ж! Счастье мне дадут другие берега.
Девичьих кос венки украсят мне рога.
Как лопнувший гранат в пурпурных пчелках зерен
Гужению их рад - так пыл мой не позорен.
То нимб, то жал клубок - страстей изменчив рой,
И наша кровь течет, увлечена игрой.
Лес в золотой золе не только маэстозен,
Непостижимый огонь заставит вздрогнуть осень:
То Этну спящую Венера посетит,
И ножки неземной меня пугает вид,
Царица! Это сон, беспомощный и грустный,
На что я посягнул!

Отмсти!

Но абрис грузный,
Забывшая слова душа - не так слабы,
Что сдать тихому полудню без борьбы,
И добровольно лечь, забыв про богохульство,
Надгробьем на песке - есть и в надгробьи буйство:

Открытым ртом поймать летящую звезду.
Прощай, земной союз, я тень твою найду:

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Существуют два перевода "Фавна" на русский язык: И. Эренбурга (БВЛ, Западноевропейская поэзия конца XIX века) и Р. Дубровкина (Поэзия Франции. Век XIX). Вообще, Малларме переводили не раз, но считается он поэтом "непереводимым". Сейчас готовится издание Малларме в серии "Литературные памятники", для которого и сделан настоящий перевод.

Малларме начал "Фавна" в 1866 году, а закончил через десять лет, когда он наконец появился в 1876 году у Дюрена в суперроскошном издании с иллюстрациями Э.Мане. "Фавна" можно прочитать, имея в виду совершенно разные сюжеты: как эротическую поэму (Малларме использует легенду о Фавне и нимфе Сиринге, которая превратилась в тростник), как поэму о музыке, написанную по канонам музыкального произведения, как мистический текст, смысл которого дешифруется из символического ряда поэмы, как поэму о природе и процессе творчества. Загадочная композиция "Фавна" такова, что сюжеты эти не разъединены, Малларме как бы нашел общий код, который просто проявляется на уровнях духа, души,

тела. Грезы, воспоминания, реальность - это один процесс, происходящий в Фавне, в музыке, которую он создает, играя на свирели (свирель состоит из двух тростниковых палочек - это и есть две нимфы, с которыми он забавляется), в пейзаже, который создан его музыкой и на фоне которого он отдыхает. Малларме пользуется очень широким диапазоном языка, стилистических ходов, смена тональности - трагической, китчевой, лукавой - происходит быстро, мгновенно, и потому непонятно, таинственно. И непереводаемо. Мне кажется, тому, что происходит в новейшей русской поэзии, произведение это созвучно своим "универсальным кодом", не дававшимся, на мой взгляд, никому из русских классиков до Иосифа Бродского. А поэты новой генерации работают с этим кодом уже как с естественным языком.

1987

Татьяна Щербина

3. ШЕКСПИРОВСКИЕ /В ПЕРЕВОДЕ Б.ПАСТЕРНАКА/
МОТИВЫ, НАВЕЯННЫЕ СЛУХАМИ О ВСЯКОГО РОДА
ОПАСНОСТЯХ, ЧТО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ, СКОРЕЕ
ВСЕГО, О ТОМ, ЧТО НАСТАЛО ВРЕМЯ СОБЫТИЯ

Закройтесь чакры веки створки шторы,
В опасности: глазная роговица,
Сидящая спиной отроковица,
Жемчужина, с которой сняли шоры.

Вы, уши, уязвимые для яда,
Тут чары собрались по ваше чадо,
Покрой все поры пот, а после - иней,
Не шелохнись в окопе, кундалини.

Так страшно за... И в самом деле - ужас,
Но дальше будет хуже-с, ибо мужес-
кий взгляд вподобье острого кинжала,
Грозит клинку, а жемчугу - нимало.

И на руки берет отроковицу,
И так глядит в глазную роговицу,
Что взять Шекспира - ждять кровопролиться,
"Когда судьба въезжает в даль события"

/ложная цитата/

Еще вчера так плавно и так скрытно
Кроили черепа - а мгла: не видно!
И даже Нью не делала погоды,
Но в кислую среду подсыпьте соды -

В обличьи снега падает фата,
Земля шипит осенним перегноем,
С Иной ли - беда, потоп ли - с Ноем,
Несчастье ли - с рождением Христа?

Хотя и не окончено сраженье,
Пускай кто прав - идет /и не боится/
Туда, куда глазная роговица
Ведет. Читатель рифмы ждет - напрасно,
И рифма может стать небезопасна.

1985

4. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ
(по мотивам бессонниц русской поэзии)

Мне не спится, нет огня,
Только лампы окрик резкий,
Тени на стене как фрески
Строго смотрят на меня:
"Ты зачем же явью, Таня,
Парки бабье лепетанье
Обратила?" Я молчу,
Или я сквозь снег лечу,
Замерзая в синем блеске?
Замершие занавески...
Томик Пушкина верчу,
Сколько вас, химеры смысла?
На стене мерцают числа,
Лампу выключу, включу,
Я любить тебя хочу.
В откровеньях стихотворных,
Что-то есть, но нет снотворных,
И бессонница-лиса
Шлет тугие паруса,
Улицу, фонарь, аптеку,
Всю ночную картотеку;
И советчика, врача
Ищет, рифмы бормоча.

1985

ПОЭМА БАРОККО

Думаю обо всех: кто они, эти гекубы?
Вспомнить бы одного, чтоб потянулись губы
произнести: Овес! Сезам! - заветное имя,
но оно, как альфа созвездья, окружено другими
буквами: СЕ ЗАМОк, ПОВЕСа.
Зачем я знаю весь алфавит,
зачем не вчера из леса, где все состоит из эс'а,
и он из всего состоит?
Ливень-лето-любовь - все состоит из эл.
Ветер-веришь-восторг - все состоит из вэ.
Это калейдоскоп в голове
вертится снова:
узоры - как беглые витражи Нотр-Дам,
постой, мое слово, как там тебя - Овес, Сезам?
"Все мы вышли из Даля и Ушакова,
все мы дети какого-то словаря,
так что "м о е слово" - это ты зря", -
говорит мне Сезам или Овес.
Они себя путают, неизвестно, кто произнес.

Может быть, мой похожий на кактус рассудок
розовой крзеткой зацвел в темноте?
Благодарение зеленому скопленью летних суток,
живым глазкам и сетке на воде.
Но в наше электронное барокко,
где воздух полн частиц, оттенков, знаков,
мне б черно-белое собачье око,
чтоб свет узнать, глаза во тьме проплакав.
Чтоб знать, к чему стремиться поутру,
Чтоб что-нибудь одно иметь в виду,
чтоб не вступать ни в секту, ни в игру,
ни в цех, ни в клуб, ни в шайку, ни в орду.

Я залаю как пес: Овес!
 Но поверю глазам: Сезам.
 Что почуял мой нос: Овес.
 Что я чувствую сам: Сезам.

Русский вопрос, на который ответят с Востока:
 рис, пшено, чечевица и мокко.

Фиолетовый город с дождями лимонного сока,
 снегом сахарной пудры: коллекция Брахмапутры:

рис пшено чечевица
 гречка маис пшеница
 пшено чечевица рис
 гречка пшеница маис
 овес сезам мокко -

микроэлементы барокко.

Кому говорить "откройся", кому говорить
 "отворись"?

Открытые лица космос земля
 открытые книги открытые письма
 законы периодические таблицы
 динозавры галактики и так далее все трюизмы.

Вокруг каждого плевела в калейдоскопе ореол.

Не глядите черно-бело: будет решка и орел.

Не перебирайте злаки: несть им имени числа,
 злаки зла, злаки - знаки зла...

Все состоит из а, а ты не okay,
 все состоит из б, а ты не охай,
 так бывает хорошо, так бывает плохо!

Поэма барокко: на Севере диком стоят одиноко
 хрен пшеница миндаль рожь овес мокко.

* * *

Такси, вези меня в библиотеку,
в музей, туда, где больше книг и статуй,
я буду тьму варить Мельхисидеку,
кататься с Эхнатом по Евфрату.
Я подскажу программу средней школы
Ньютону, как Эйнштейн, поймет он мало,
Но выйдет в сад, как в море Марко Поло,
И, главное, чтоб яблоко упало.
Я, Цезарь, Клеопатра и Антоний,
расстроенная, позову Париса,
дам яблоко ему, поплю в иконе,
чтоб на меня молилась Элоиза -
дай Бог ей счастья: Клавдия - Гертруде,
но яблоко отравлено, адамы,
зачем меня отдали вы Иуде,
я Робин-Бэбин. Господа и дамы!
Я скушал человечество с плодами,
которые оно взрастило в вере,
что повезет такси к Прекрасной Даме,
как толстый ангел - к девственной Венере.

1984

III

Из кн. "Новый Пантеон" (1982 - 1983)

ЗАГЛАВИЕ

Витой огонь, тугой огонь, желанье,
дым голубой глубинной сини грез,
мы вышли силой противостоянья
в тот край, где ночью скорой день порос.

Две тыщи лет живя в Твоем законе,
единственной владели жизнью, Свет,
но рыжие уже промчались кони,
и над обрывом постоял конь блед.

А вечен мир, покуда вечно слово,
но закликает именем двойник,
и дом низложен - в смерти ищут крова,
и забывается родной язык.

Безмолвно замер Ты в камнях небесных,
падут и назовут свой верный час
в ремеслах, знаньях, в наших снах и песнях,
и Новый Пантеон прославит нас.

1982

ПЕРВОЕ НАЧАЛО /И.К./

Осенью так хорошо светает,
Утро настоится за окном,
И мутногосая растает
Ночь. Давно не приходившим сном.

Злое свойство непрерывных линий!
Словно это почерк правоты,
Привораживает глаз куриный
Проведенность меловой черты.

Дождь сойдет - и потеряю зренье,
Имя предстояния пути,
Имя дали - милость провиденья.
Я люблю, когда идут дожди.

Минет поезд ртутную трясину,
И не остановишь вихрь колец,
В световом бассейне рыбкой сгину,
В синем ветре выгнусь, как птенец.

Первым снегом, как ночным пожаром
Землю золотую опалишь,
Опалишь - иссушишь сердце даром,
Ну а после плакать не велишь.

Не называть, поскольку имя вести,
Кто идет пред словом - знак дарит.
Не в дороге, но в пустынном месте
Тайную обитель сотворит.

ПОЗДНЕЕ СЛОВО

В это мертвое время, когда и ожог не болит,
Ты мне, огнязыкий, скажи - и Огонь говорит:
Эта долгая ложь, этот долг продолженья, всегда
Мчатся тени по голым дорогам, не зная следа,
Тянут кони конец на коробке своей расписной,
В той коробке - горящие бусы горой ледяной.

Опрокинутый всадник, манящий погибелью конь.
Я любила тебя, лишь тебя я любила, Огонь!

Смерть - что близко и что неотвязно и что
у судьбы
Так легко отбирает - ползучая насыпь тропы...
Даже Свет продолжается в каменных детях своих,
Так неужто же легкое пламя удержит язык?

Ты в сугробе большом затаился - я снега не тронь,
Только позднее слово: тебя я любила, Огонь.

1981

ДОМ, ВНУТРИ ТАЙНА

Снежная пустыня, белый сад,
Небо в паутине черных веток,
Меховые звери вместо клеток
В молодых сугробах спят.
Золотые окна у избы,
Дым недвижно всходит из трубы,
По ступенькам жар ползет с порога,
Превратясь в застывший водопад.

Изнутри нет стен, но виден ход,
Глаз, достигший точки, видит много.
Дальше - никакая не дорога:
Пирамида так глядится в свод,
Готика провидит Бога,
Голос, источаясь, так поет.

1982

ВИНА

Голубые цветки чеснока
Разметались над белой головкой.
Я с какою-то скверной уловкой
Их пытаюсь сорвать с стебелька.

Пальцы впились в тугое растение,
Поле дикое ворожит,
Расступись, окаянная зелень,
Отступи, самозванный самшит!

Белый купол, и небо лазурно,
Не иначе - рву крест золотой,
Мне от запаха едкого дурно,
Верно, это чеснок не простой.

И на стебле, обманчиво тонком,
Повисаю - в чернеющий свод
Виноватым смотрю лягушонком,
И гроза надо мною поет.

1981

ВРАЧЕВАНИЕ

Не ради предстоящей красоты,
А ради муки этого процесса
Из полутрупа статую ваять
Я прихожу к Вам, доктор, скульптор. Этот
Союз фарфора с кровью - тот же Спас,
Чтоб вечно жить, а чувствовать однажды
И с временем не изменять Творцу.
Я прихожу к Вам, я хочу болезни.

Чтоб верно помнить, чтобы чисто петь -
Боль от руки, которая любила
Лишь красоту, не плача над живым:
Живое не достойно сострадания,
Пока совсем не превратится в прах.

Но срок оплакать жалостное тело
Мое - пусть не наступит, я уйду
Из каждой клетки, потерявшей волю:
Рыдания - актерство - чепуха...

Единственное, что спасает душу -
Холодный жар снегов и свет камней,
А теплые глаза, конечно, губят,
Покуда теплой крови не прольют.

СТРАСТЬ

Есть ты - огонь, таящий спелый сок,
Есть то - вода, холодная как пенье.
Помешивая черный кипятик,
Я заклинаю каждое мгновенье.

Нет времени, нет новых зим и лет,
И особняк стоит века - не в камне.
Я в имени выманиваю свет,
Чтоб в чашу подливал он кипятка мне.

И ты, представший Ангелом, пади!
Нет времени и нет часов паденья,
Есть падший Ангел, Ангел во плоти -
Желанье, кожа, счастье, наслажденье.

1982

ГОРОСКОП

Когда царь Гелий спит в паучьем доме,
Покинув стерегущую сады,
Когда лелеет жало скорпионье,
Пресытась пряной кручею скирды,
И зрелостью плодов, и георгиновой
Усладой, и рассыпчатостью кос
Пшениц, и роз кармин и киноварь
Когда претит ему, сок лилий и берез -
Уходит царь - и пленник он на ложе,
Где нежась сердца тайной, в октябре,
Серебряный, еще неясный дождик
Листвяный грот свивает на горе.

Мы в грот войдем, как из бутылки джина
Отпустим время - солнце в этот час
Повиснет золотою паутиной,
У здания молвы отспорив нас,
И словно заколдованы когда-то
Во взрослых жаб из царственных детей -
Как в сказке: я снимаю шкуру гада.
А ты, костер пылающих ветвей,
Даруешь мне мое преображенье,
Но только солнце станет у двери,
Я сдам, как стерегущая именье,
Царю - то, чем владеть должны цари.

ИГРА В ДУРАКА или ГАДАНИЕ НА КАРТАХ

Рука, скользящая над сном
Сквозь снегопад, цветной и жаркий,
Все тает в воздухе шальном,
И двойниками сходят карты.

Король - до пояса король.
Как ни гляди - а всё по пояс.
Скажите, выпала мне роль
Быть козырем - иль мы боролись?

На флаге редька - знак побед.
"Скорей несите крест свой жалкий, -
Он шепчет даме - наших нет,
Я вынужден принять фиалки.

Я - соль, мне б выждать до поры,
А дама разминулась с мужем,
Коль выйду раньше из игры,
Я стану никому не нужен.

Принять фиалки!" Дама трэф
Вцепилась в них двумя руками:
"Не дам, хоть Вы колодный лев,
Моих фиалок Вашей даме.

Она Вам выпадет вот-вот,
У ней такие же фиалки,
А было б все наоборот,
Когда б сошлись мы у гадалки".

Тут вырос муж, король крестей,
Из двери, из стены, из шторы.
"О я безумец, ротозей,

Приму - какие разговоры!" -

Кричал пиковый. "Примешь, гад -
Треф ухмыльнулся. - Я с женою
Всегда Вас жду, всегда Вам рад".
Вдруг дама стала к ним спиною.

Ах, роком выпавший брюнет
Увел ее, не церемонясь,
Не мог король, а мог валет,
И видим был, как все, по пояс.

Вдвоем остались короли.
С сердечком, бубном две цыганки
Утешили их как могли,
С пикового сорвали планки...

Дурак - ты. Весь расклад к тому.
Зато мне не везет с любовью,
Как говорится. И ему
Колдунья подмигнула бровью.

Рука, скользящая над сном
Сквозь снегопад, цветной и жаркий,
И таит в воздухе шальном,
Дурманят голову фиалки,
А в вазе золотой цветы
Китайской драгоценной сливы
С стихией снежною слиты
И тайной жизнью лишь живы.

ТРЕУГОЛЬНИК

1. ПОСВЯЩЕНИЕ N.N.

Пора посвящений - что означает поиск чужого
 румянца.
 Признаемся, что вдохновенье вампира
 и вдохновенье поэта
 это - чёрные занавески на плоском оконце
 и то, что нигде нет ни солнца, ни поезда
 при множестве станций.
 Это - желание Вам написать, а не то чтоб
 отдаться.
 Так и смотрите: просто, без всякого цвета в лице,
 обойдется. И это -

2. НЕ ВСЁ

Продолжается вечер.
 Чёрные занавески, которые дали мне...
 Свечи, которые дали мне тоже...
 Ветер, не трогавший свеч, занавесок -
 все дали мне форму стихов,
 но я ничего не возьму.
 (под кров, где пишу "продолжается вечер"
 и слово "не всё")

3. Я СКАЗАЛА БЫ

Я сказала бы нашему другу:
 не все так печально, как в жизни;
 где только голову сложишь - коня потеряешь,
 только коня потеряешь - счастье найдешь,
 только счастье найдешь - голову сложишь.
 Я сказала бы нашему другу:

"На праздник зарежь поросенка и сам приготовь.
В с ё гости съедят - в том будет великая
радость".

4. А ДАЛЬШЕ

А дальше я буду опять говорить не с тобой.
И не потому что и не
потому что другое.
Ты сам себе скажешь: "Зачем я привел ее к брату?
Несчастный, я всё потерял, получив половину.
А ветер какой, я от чувства к неверной простыну,
в простыню обернусь и в больничную лягу палату".

5. БОЛЕЕТ.

Болеет, и брат навещает его, сигареты приносит.
Исчадие ада, отравы твои сигареты!
Они говорят об одном наболевшем вопросе:
как в странах востока жестока резня, и газеты,
и радио только о смерти известья приносят,
меж тем, если б в мире евреи с арабами жили!!
На греков с троянцами...

6. ЧТО МЫ НА НИХ ПОЛОЖИЛИ

Что мы положили, то так и лежит.
(будь то жизнь иль поэма).
Что на суд, то в суде,
ну бог с этим, скажите другое:
как Ваш брат, как наш друг,
что сказали в приемном покое?

7. ОТВЕТ

Сказали, что к брату любовь его злее,
чем к арабу - еврею.
O fata morgana, o mórgana fata,
это ты, это ты виновата!

О ужасный диагноз, о болезни от беса,
когда все голодают, он свинины объелся...

Арлекин я, Арлекин я,
он Пьеро, а ты - Мальвина.

8. /от автора/

Треугольник - это, наверное, сплюснутый круг.
Оттого что из многих людей выделяется друг
для того чтоб он предал. Еще чтоб блестящий предмет
выделялся. Будь женщина то или горстка монет.

9. /трое поют хором/:

как прекрасен этот мир,
где за черной занавеской
сотрясается эфир.

/трое сидят молча/:

Первый - меланхолично - ветер так воет, так воет,
так воет...
Второй - надрывно - сердце так ноет, так ноет,
так ноет...
Третья - подозрительно - что нам судьба еще
готовит?!

/трое - расстаются/:

И хорошие друзья остаются.

ПРЕДМЕТ

хорошая, хорошая, хорошая,
все три - хорошие...

но Господи, вот он,
предмет, ведущий в бездну,
бездна - вон!

Деревья полуголые в снегу, в листве,
у глаз дрожит осенний свет,
земля раскрыта, замерзает след,
всё в сумерках, во сне, всё на бегу -
особенный, особенный предмет!

Тревожный сон - от неба водопад,
совсем без сна - и тоже невпопад дотронешься,
а он сойдет на нет,
пугающий восторженно, до спазма,
как плазма, ускользающий предмет!

хорошие, хорошие, хорошие,
к ним можно шепотом и с ними можно быть -
забыть, забыть
число и графарет,
в которых чертов мыслится предмет!

ПОСЛАНИЕ КАТУЛЛУ

Напрасно ты Лесбию. Так начиная посланье,
Катулл, я в изгнаньи хочу научиться безлюдью.
Люблю тебя лишь потому, что мое дон-жуанье -
Твоя недоступность. Нет музыки, кроме прелюдий.

А в Риме нет женщин, которых не ждут спозаранка.
Одна горожанка мужей как с ума посводила.
Она презирала их, верною став лесбиянкой,
Поскольку её не хотели все женщины мира.

Напрасно ты Лесбию мучаешь жалобной песней.
Скорее, растрогаешь Цезаря. Скажет владыка:
"Катулл в той римлянке отчизну любил

интересней...

Да что там отчизна, когда есть прекрасная книга".

Нет музыки, кроме прелюдий и первых аккордов,
Где страсть так божественно все создает,

не содеяв.

Правитель предложит Катуллу десяток абортюв.
Катулл нарожает правителю десять злодеев.

Твоя недоступность, Катулл, достигает предела.
Снега у меня под окном сторожат как цепные.
И ветви чугунной решеткой свисают над белой
Кроватью. И сны, налетая, совсем заклевали

цветные.

Укроюсь плащом дон-жуаньим в монашеской келье.
В соседней живет твоя Лесбия, млея в пороке.

Все время я слышу ее сладострастное пенье,
Тебе, мой Катулл, посвящая смиренные строки.

1982

Гай Валерий Катулл

ЛЕСБИЯ, 5

(перевела с латинского Татьяна Щербина)

Лесбия, мы в любви преуспеваем!
Чертовы старикашки, прости их, Хронос,
не дают прохода, дрянные твари.

Чаши небесной светила вращают время,
Вспыхнем в луче и во мраке навечно сгинем.
Ночь отоспаться успеем у строгой смерти.

Так целуй меня тысячу раз и сотню
тысяч сотен и сотню другую тысяч,
беспрерывную тысячу долгих сотен.

Сложим так миллион и число забудем,
чтоб завистник не знал и не сглазил, подлый,
зная, сколько мы можем целоваться.

1983

ПЕСЕНКА ДЛЯ УТЕШЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Вот еще помучиться - вот и все получится,
Все еще забудется, что так жизни просит,
И зверек на мостовой, замкнут в узком лучике,
Покрутится, покружится,
И высохнет как лужица
Светлый круг в прозрачной тьме,
А зверек поплачется змее.

Все еще устроится, дождик остановится
Нитями стеклянными - в землю прорастет.
У змеи язык двоится,
Говорить змея боится:
Капли яда - янтари, покатятся - говори,
Страшно - останятся,
А у зверька не кровь внутри,
А одна сукровица.

Вот последняя черта, вот и дверь не заперта,
А за нею - Ничерта, с большой связкой ключница.
Снова дождь пошел с утра,
Словно в школу детвора,
Вот еще поучится - вот и все получится.

IV

Из кн. "Цветные решетки" (1979 - 1981)

* * *

Я плачу оттого что нет грозы,
Как зелень ядовита в это лето!
Такого фосфорического света
Нет в каталогах средней полосы.

Я плачу - оттого что медлит дождь,
Стоит в резьбе нефритовой крапива,
Природа неестественно красива,
Все нынче зацветает, даже хвощ.

Я плачу. На малиновой щеке
Застыла лихорадочная блестка.
Я бледная от роду - как известка,
И я привыкла жить на сквозняке,

Но жжет глаза от ирисов и роз,
И ветры затаились для удушья -
Ну что же ты, земля моя недужья,
Спасительных не проливаешь слез!

* * *

Уплотнилась тень Луны, очертилась,
В зелень Пасхи, в день весны мне явилась.

Как я верила тебе, как хотела
Эту тень навек вписать в это тело.

Вот и время повторенья настало,
С белой глиной тень слилась и пропала,

Голова моя в траве закружилась,
Почернела, словно света лишилась.

Запеклись глаза и сухо горели,
Разлетались воробьиные трели,

Смерть прикинется до срока любовью
И с твоим лицом взойдет к изголовью.

1981

ЧИСТОПРУДНЫЙ БУЛЬВАР

Вечер отражается в пруду
Окнами, трамваями, тенями,
Все деревья раньше были снами,
А теперь маячат на ходу.

Мокрую рубашкой липнет плоть,
В синюю воронку льется лето.
Близость одинокого предмета
Продолжает сниться мне, Господь!

Вон мое лицо на самом дне
Посреди ореховой гостиной,
Вот и гости поднялись из тины,
И трамвай прогремыхал по мне...

1981

ПРОЛОГ СКАЗКИ

Но что приносит множество вреда,
Не ум, а сердце - ну его в болото!
Цветет в лесу зеленая вода,
Виднеется кувшинок позолота.
Патина благородней блесок льда:
В ней древности настоена дремота,
Забродит тина в солнечном луче,
А льдина заревет струями пота
И разобьется, как в параличе,
И снова бьется - в тоненьком ключе.

Как хорошо на мхом поросшей кочке
В тени большого города, в тиши
Плести из одуванчиков веночки
И гладить по головкам камыши,
И отрывать ромашкам лепесточки,
Гадать - да ни на что, а просто так,
Все знать, и не писать о том ни строчки,
С природой устанавливать контакт,
С восходом просыпаться, ждать закат,
И не искать для счастья оболочки.

В природе зашифрован каждый писк.
Вот квакает лягушка, это значит,
Что друг тебя предаст и не заплачет,
Что ночь уже прошла, а день не начат,
И солнечный сменяет лунный диск.
В округе разнесется уток визг,
И значит, облака сомкнутся тучей,
И брызнет кровь, и яд в крови - "не мучай",
И будет биться горлинка в падушей
И плакать от досады василиск.
А слезы - бриллианты, а не слезы,

И шкура вся - колючий изумруд,
От поцелуев змея тут же мрут,
Они - укусы, хватит малой дозы,
Чтоб пена изо рта и сильный зуд,
Чтоб сыпались проклятья и угрозы.
Боится василиска птица, зверь,
И ненавидит каждая травинка,
Не сосчитать бессмысленных потерь,
А он любви искал, не поединка.

1980

ИКАР

Говорили: не летал бы к Фебу,
Больно падать будет свысока,
Крылья расплываются по небу -
Облака...
А внизу обрыв, опять обрыв и
По камням бегущая река,
Май, и расступившиеся сливы,
И рука
Обломилась словно ветка в цвете,
Где Икар? - последнее - Икар!
Отлетело как воронье "кар",
И Дедал застыл на табурете,
Голову держа руками - стар,
Слишком стар, чтоб погибали дети.

1980

* * *

Вспоминать одно, и вот
Не узнаешь.
А оно опять пройдет.

Драгоценный перламутр глаз
Непрозрачен.
Удивляюсь, будто первый раз.

Лето - сам дракон зеленокожий.
Блеклые слова
Замирают на изнанке кожи.

Бледно-желтый воздух. Пух
Тополиный.
Сквозь него не видно мух.

А малиновый восход разметает
На ветру -
И во рту ночное облако тает.

1980

ЛЕТО

Ветер вывихнул суставы деревьям,
Красный мак рассыпал черное семя,
Наступает между зимами злыми
Белых ливней драгоценное время.

Кувшины висят на серых заборах,
Сны зеленые пьянит позолота,
Кот яйцо сырое выпьет без соли,
Рой пчелиный улетит за ворота.

Куры хриплые из перьев полезут,
Червяки покажут голое тело,
Майский жук пиону голову чешет,
На глазок анютин бабочка села.

Дядя лысый собирает малину,
С гамака кричат под дальние вишни.
Дети лепят великанов из глины,
На костре сгорает справочник лишний.

1980

* * *

Склеп. А в склепе изморозь на стенах,
Я завариваю в чашке чай.
После возгораний постепенных
Остываешь сразу, как свеча.

Лампочка под потолком немая,
А услышать бы хоть что-нибудь.
Я с конфорки кипятик снимаю,
Подливаю в бронзовую муть.

Это для тепла и развлечения,
Даже сигаретный дым повис.
Не летается. Но в заточеньи
Растворяясь, все стремится ввысь.

Вслед за ним тяжелый пар взлетает,
Где-то станет тучкой снеговой.
С зеркала узор от газа тает...
Вот и не осталось никого.

1979

ГОЙЯ (триптих)

I.

- Зачем твоя любовь, Франциско Гойя?
В твои полотна смотрится Мадрид,
И ты в него влюблен, мой черный кит,
Но самое на свете дорогое, -
Как Каэтана Альба говорит -
Другое.
- Ты постелила полотно льняное,
Легла, и ты картина. - Нет, другое.
Мне фоном будет черный аксамит.
- Ну почему так мрачно, лучше алый.
Цветов в натуре самой слишком мало,
И алый - только кровь. - Как ты сказала? -
И Каэтана снова говорит:
Какое утро долгое, всех дольше.
- Оно тебе идет коротких больше.
- Запомни, Гойя, больше не придет.
Я помню дом в морковных черепицах,
А то, что помнишь, длинно-длинно длится...
- Но что блестит в ресницах?
- Все пройдет,
Франциск, и это тоже повторится.

II.

- Так что же главное?
- А главное, отречься
От тех, к кому привязана душа.
- Но сердцу уз теперь не убережешься,
Ты жизнь дала мне, мукой положи.
- Я если б родила тебя, гордилась,
Но этого, по счастью, не случилось.
- А я пролил тебя на полотне,
И я горжусь, как дивно получилось.
- Франциско, говоришь ты о пятне,
О линиях безликих на стене,
О кисти - той, что висмутом сочилась.
- А я хочу опять тебя писать...
- Живою воскресать
Я разучилась.

- Так что же главное?
- А главное - молчать.
Я помню только то, что не сказала.
А Гойя - то что хочет написать.
Так что же Гойя хочет написать?
Он отвечал: как и конца, не должно знать
Начала.

1979

III.

- Ты знал ли, что живем мы между стен?
- Да нам и благодать не меж людей ведь.
Пробило девять,
Вышел светом день,
Повсюду мга, куда себя ни\день.
Я все ворчу и как-то странно маюсь,
Все менее с заказами стараюсь,
На стены гляну - и такая лень...
А ты куда? - От красок задыхаюсь,
Одну оставь, я в сад дышать пойду.
- Мне предсказали страшную беду:
Что Казтану выкрадут из сада,
И я по всей Испании не найду
Тебя, и так умру - одна досада
Любовь моя. Там, кажется, гроза, да?
Там дождик льет, а я с ума сойду?
Она сказала, что у нас есть стены,
И что она... и что они нетленны!

В дверном проеме виден весь Мадрид,
И в городе нет ни одной антенны.
А Гойя спит.

1979

* * *

Печень клует мне орел с голубыми глазами,
Два воробья из ладоней прикованных пьют
остывающий пот.
Стаями ветры и ястребы стаями свой совершают
полет.

Море под скалами пеной восходит и тает,
И облака приближаются и улетают,
Аргус меня пожирает глазами и часто моргает,
Нежная Эос перстами обнимет его, уведет,
Снова орел прилетает и снова клует.
Там, задыхаясь в пожарах, изнемогает
Гея-Земля и проклятия страшные шлет,
И в леднике мое сердце гранатом вмерзает,
Только орел мне остыть навсегда не дает.

* * *

Сжимать губами сахарную сливу,
пока не брызнет кисловатый сок,
кота зарыть в песок,
и хлынет ливень,
и станет все темней и ярче, флокс
стоит как шахматная королева,
пять лет мне, это лето где-то слева
мне видится, терраса, дача, сад,
и я смотреть ходила губосят
под землю, и боялась темноты, да,
все как во мрачном царствии Аида,
но это было двадцать лет назад.
Со мною жили рыбки золотые,
тритоны: изумрудный, черный и
один сбежал, а я рыдала от любви
обманутой. Мы были как большие,
ко мне жуки летали и шмели,
лягушки в лес меня гулять вели,
хотелось навсегда мне там остаться
и к людям никогда не возвращаться.

1980

ЛУБОК-цы *

(на мотив "Ах ты сукин сын,
комаринский мужик")

Бело-ало-золотая пиала
В жар пионовый чаек густой пила,
Жар пионовый золоты сынки
Заплетали в раскаленные венки.

Ни дождинки, ни кровинки на краю,
Мы сидим уже, наверное, в раю,
Гребень тает в пыльных серых волосах,
Пересыпался песочек на часах.

Синим кругом зачуралася вода,
В синий круг не заезжают поезда,
Ангелочки позапрыгались в кусты,
Даже ангел не выносит духоты.

1981

* цы - жанр классической китайской поэзии,
где стихотворение пишется на мотив какой-либо
известной песни.

ЖЕЛУБОК (жестокий лубок)

Нить суровую спряду,
Холст решетчатый сотку,
Платье новое сошью.
Выйду в платье поутру
Встречу алую зарю
Да чужого жениха.

У чужого жениха
Я невесту украду,
В сыром погребе запру
Да кольцо с нее сниму.

И надену то кольцо,
Нарумяню-то лицо
И на самое крыльцо
К его дому подойду
Да в окошко загляну.

Как увидит он меня,
Взненавидит он меня,
Вострой саблей протыкнет,
В само сердце протыкнет.

Будут люди голосить,
Жениха камнями бить,
Будут все меня любить,
На могилку приходить,
А живая та невеста
Будет слезы горьки лить.

ОДЕССА
(сонет)

Одессы улицы старинны,
Барочны, под ампир, в них Рим
Мне чудится, или Афины,
У моря продают ice-cream.

И лестницы, и спуски длинны,
Названья, как павлиний грим,
Но двери переулков чинны,
А мы над пляжами парим.

Прозванивают день трамваи,
Раскачивают порт суда,
Мы званы невзначай сюда,

Где солнце в море как слюда
Блестит, соблазны источая,
И ночь узка оконцем рая.

1979

ПОД ОДЕССОЙ
(сонет)

Дождик оmyвает душу грешную,
за стеной орет ребенок, дрянь,
за другою - алкоголик, рвань,
Лешенька рисует жуть кромешную.

Я сижу супругою прилежною
и пишу не то, все больше брань,
Господи, хоть солнышко своргань!
Лешенька рисует жуть кромешную.

Горло саднит, стрептоцида нет,
примус не горит, совсем испортился,
этот все кричит, небось, весь скорчился.

Тот уже свалил, знать, на обед.
Вроде бы и день почти что кончился.
Лешенька рисует мой портрет.

1979

* * *

(сонет)

Мне желать уж нечего, я выросла,
Мне давно наскучило играть
И в цариц, и в мамок, и искать
В трын-траве ребяческого вымысла.

Из уроков опыта я вынесла,
Что за птицей некуда бежать,
И от волка скрыться под кровать
Можно только в сказке. Я и вылезла.

Как на спину лягу загорать,
То потом ничком ложусь: не можется
От чего бы ни было сгорать.

Но о чем ни стала б я тревожиться,
Мне спокойно взрослой умирать, -
А тогда могла заплакать-съежиться...

1979

МАТРИМОНИАЛЬНЫЙ ЛУБОК

Замуж никогда не выйду, -
Говорила, обманула,
Полюбила, умыкнула,
Поартачилась для виду,
Но обратно не вернула.

И взяла себе в игрушки
Мужа в плюшевом кафтане
Да в штанах атласной ткани,
Разложила на подушки -
Вот что есть теперь у Тани!

Льет она ему бульоны
В самую большую плошку.
Гладит он ее как кошку,
Глазки словно анемоны -
Я люблюсь понемножку.

Парочка что из фарфора,
Будто сотворил нас некто
С идеального проекта
Древнерусского фольклора.
И разбил на два субъекта.

* * *

Ох, не надо бы рваться из упряжки,
Там в степях лошадей овсом не кормят.
И земля как сухая промокашка,
Нет конца изнуряющему зною.

Там хомут не наденут - ну и что же,
Седоком не нагрузят - одиноко
Все скакать и скакать по бездорожью
Под бельмом окаянного циклопа.

Этот взгляд - нескончаемая попытка,
От него не укрыться ковылями,
И лежать ли, бежать ли вяло, прытко,
Все одно состояние печали.

Никогда не придется улыбнуться,
Посмотреть влажным глазом на подружек,
Мордой в землю обиженно уткнуться,
Никому ты не близок и не нужен.

Оседают в степях лесные волки,
Там отшельники плоть свою смиряют,
Только лошади замкнуты и злобны
Почему-то. И скоро умирают.

ТРИДЦАТЬ СЕКСТИН

Пишу тебе последнее письмо.
Веселую меня любил бы каждый,
А я сама не вспыхиваю дважды,
Все в жизни за себя стоит само,
И то, чем дорожила я, однажды
Чужим ребенком выглядит в трюмо.

Ну что любовь - печеная картошка?
А время - скорый поезд? Ерунда.
Свет не падет на темное окошко,
И не оставит кровь в лице следа.
На белое безмолвие - две кошки,
Чтоб было бы хоть это: нет и да.

Чтоб кто-нибудь ходил туда-обратно,
И скалился противно, и визжал,
И воздух разворачивал бы ватный,
Взьерошивал бы горы одеял,
И чтоб другой мурлыкал непонятно,
Но сладко. Вот он, жизни идеал.

Одна плохая кошка съела муху.
Хорошая, другая, голодна.
Ей не хватило хватки или духу.
Но слава богу, не моя вина.
/Я говорила складно, значит, сухо/,
Когда две кошки голодны - война.

Я вижу по ночам четыре глаза,
Они то к глазу глаз, то далеки,
Но где та обольстительная фраза,
Когда не просят ласки как руки,
И тянется одна большая фраза,

Слова в ней неопрятны и легки...

У кошек детство - мячик на резинке,
Огрызки яблок, мятая фольга.
А по утрам - завязывать ботинки,
Когда в них появляется нога.
И вечером перебирать пластинки:
Сердцам кошачьим песня дорога.

Самара-городок и мать Волга,
И вкрадчивый приятный баритон,
Им можно наслаждаться часто, долго,
Но вот про это скажут: "моветон",
И станет появляться чувство долга.
А славная ведь штука - патефон.

Котенок подрастает как в музее.
Что ни старье - то чудный экспонат.
На пуговички яркие глаза,
Он строит замок, и при замке сад,
А взрослые теряют, ротозеи...
И стрелочник, собака, виноват.

По воскресеньям ставятся приборы,
И скатерть белоснежная плывет
Как парус в желтоватых пятнах моря,
Шампанское-то пенится, ревет!
И тост обозначается из хора:
У кошек свадьба, у людей - развод.

Нельзя об этом спрашивать: об этом
В семье, как о дурном, не говорят.
Ну няня может брякнуть за обедом:
Мол, что уж не забрал, возьмет навряд.
И бабушка закашляется следом:
Там пирожки в духовке не сгорят?

Однажды в ванну карпа запустили.
Живая рыба плавает в воде.
А через час-то голову срубили
И жарили потом в сковороде.
Но мало то что карпа загубили,

А пригласили руки мыть - к еде.

А к ночи все рассказывали сказки
Про волка и про зайца. Сериал.
Добро торжествовало (для отмазки),
Волк вовсе не взаправду умирал,
На следующий день он в той же маске
Другого зайца тшетно охмурял.

Имеют клички все, и кошки тоже.
Копилки - это глупые, "с бантом",
Они так удивительно похожи,
Их перестали выпускать потом,
А есть ведь отвратительные рожи...
Но мы заговорили не о том.

На льдине замерзаешь - треснет льдина,
А там, в воде, гораздо холодней.
В Москве не объявляют карантина,
Зимы осталось мало-мало дней.
И каждая напетая секстина -
Опять надежда. Слабость перед ней.

Как будто все не кончилось заранее,
Когда потерял рай, потерял стыд,
Когда быть образцом последней дряни
Приятно, даже Богу в аппетит:
Так он в своем шикарном ресторане
Не заскучает: есть кого - простит.

Два языка договорятся в миске,
Когда они лакают из одной
И молоко кончается. И киски
Друг к другу прижимаются спиной.
Они, недоедая, стали близки,
А как дрались, гуляя под Луной!

О благодать, вечерние прогулки!
Я в вас хочу уверовать опять,
Бульвары и кривые переулки,
Ведь мне еще не тридцать - двадцать пять,
И как шаги по подворотням гулки

Я помню. Но забыла, как ступать.

А все что оставалось - письма: "Мышка,
Люблю тебя, скучаю, не могу,
Но надо ж нам добыть на молочишко,
Ты плачешь там одна, я убегу,
Здесь пытка, без тебя, как наш мальчишка,
Не кашляет? Пора, в театр бегу.

Пришел усталый после репетиций,
Сегодня было две и завтра две.
До сдачи надо здорово крутиться,
Ну прям-таки стоять на голове.
Передо мной все время ваши лица.
Всего-то семь деньков - и я в Москве".

Читай: а счастье было так возможно,
Так что же, боже мой, произошло?
Любое сочетание ненадежно,
То час пробил, то время не пришло.
Похмелье обязательно и тошно,
А без - так это просто ремесло.

Я помню до сих пор глаза собачьи,
Когда он клал в мешок ее щенков,
И если бросят камень в смех - я плачу.
Ребенок беспощадно бестолков:
Пусть лучше погибают души зайчьи
В желудке марципановых волков.

Но только не погибни ты, живое,
Ты, чем живет хоть чья-нибудь душа!
Предел любви - нас бесконечно двое.
Иголка на конце карандаша
Мир разделила на свое-чужое...
А я совсем не вижу малыша.

Жизнь очень скоро кончится. А дальше?
Потомок не запишет на скрижалы
Всей истины: в ней слишком много фальши.
Он не запомнит искренности. Жаль.
И ледяное сердце - не хрусталь же,

И золотое - тоже не медаль.

Я ничего не чувствую. Все пусто.
Крапива лесом встала вдоль шоссе.
Как могут люди в этом захолустье,
На этой узкой серой полосе?
В избенках свет горит в вечерней грусти,
Там где-нибудь и ты - один, как все.

Все кошки ночью серы. Свой домишко
Средь скорбных силуэтов не найти.
Как бабочка на свет летишь, как мышка
Ползешь на запах хлеба - нет пути,
Когда есть человеческий умишко,
А глаз кошачьих нет, как ни гляди.

Когтями выцарапываю голос,
Но черствая земля как на клею.
За каждую песчинку я боролась,
Теперь всю Землю даром уступлю.
Ты поднимись над ней, родник мой, голос!
И я отвечу: я тебя люблю.

Как прежде становится рождением,
Так свет последний тускл и ядовит.
Кто б не хотел быть верен убеждениям!
Но все что удается - делать вид,
Что, преданный живейшим наслаждениям,
Ты зеленеешь, пегий сапрофит.

Ты щупальцем подтягиваешь прелый
Листочек с прежней осени. Жуешь.
Вот кот лежит давно окостенелый.
И жижа вся в иголках - бывший еж.
И если бы на Землю Солнце село,
То был бы тоже вид его хорош.

Ты погляди: живое ходит мимо.
А отчего на этом пустыре
Все по весне черно и нелюдимо?
Под снегом - то же, что и на костре.
Сгореть и сгнить - одно. Неотвратимо.

Кем выстроен тот замок на горе?

Пост скриптум: завещаю горстку писем.
А письма сохраняют запах лет.
Великий город выжженным немислим.
И я сажусь на поезд. Вот билет.
Метнулся свет, высок и независим,
И кто-то обернулся мне вослед.

1980

Франсуа Вийон

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

(вольный перевод с французского Т. Щербины)

Скажи мне, где, в какой могиле
Красотка Рима Флора спит?
Где труп Таис? А прежде были
Прекрасны древние на вид.
Где мне найти Речную Фею?
Теперь один радикулит
Я в воду погрузясь, имею.
На стольких женщин дан кредит...
Но где же то, чем я старею?

Где Элоиза, чьим умом
Пьер Абеляр лишился пола,
В монашеский отправясь дом?
Где той любви великой школа,
Что Буридана в Сену с мола
Отправила - la reine, la reine!
Ведь Сена - это не солома,
Но где же сам я, старый хрен?

Где белая как простыня
Царица с голосом Сирены?
Где Берта, что при свете дня
Похожа... Нет, вы несравненны,
Алисы, Беатрисы, Лены,
Где Жанна д'Арк, в каких кострах
Горят ее святые члены?
Но где же достоверный прах?

Не задавай себе вопроса,

Где та, где эта - все ушло,
Как сопли из больного носа.
Но где же чертово стило!

1980

V

"Лебединая песня"

Фантастическая повесть (1981)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

п р о л о г

В мой белый мозг влетел пчелиный рой.
Как слово, ползаю по многоточью,
И бледный отрок с мертвой головой
Врывается какой-то белой ночью.
Неуловим, не высунут язык,
Но волосы растерзаны и взбиты.
Беззвучный ор под мой вопрос избитый
(ответ бессмыслен): Ты сюда проник?

Я сплю потом, когда настанет свет,
Всю ночь потоп, но ах как сухо в горле,
Воск облипает сахарную волю,
Чуть-чуть - и нацарапаю ответ.

Искусство состоит (колеблюсь) в том,
Чтоб вечности, где все есть, кроме века,
Часть речи дать. Там встретившись, потом
Душа в душе узнает человека.
Там хорошо, но тихо. И темно.
(не помню). Ненаписанная повесть -
Как здесь не сделать из плодов вино.
Там вечный сон, здесь временная совесть,
А пчелы жалят смертью все равно.
Там клетка йок - холодная бархотка,
Мед кровью выливается в сосуд.
Нежалящая, добрая, как щетка
С нектаром пчелка: праздник, а не труд!
Кровь липкая, и далее - все гуще.
Да вы не элите пчел, прислужниц Парк,
Представьте этот мир как лучший парк.

Где лебедь плавает в кофейной гуще.

Весь мозг мой - белый лебедь красный клюв,
Могу летать хоть в древнюю Элладу,
Да там не пустота ли, как в бреду в-
лезаю в пасть к мифическому гаду.
Там Леда яйца выложит в награду:
Елену - Трое павшей, а сестру -
Великим грекам, нашему царю.
Наш Агамемнон с жалом Клитемнестры
Ложится в землю на краю оркестры.
Но в бархате коричневом вдова
Слегка надулась, вздета голова,
Погаснет свет и лопнет с шумом клетка.
Орест Электра сцена свет слова -
И влево отправляется каретка.

Мой лебедь гаду почку прокусил.
Потоп беда авария несчастье
На дне желудка мутноватый ил,
Мне Леда поцарапала запястье.
Мы вылетаем в левую ноздрю,
Мозги уже раскрылись для полета,
А город, над которым этой ночью я парю -
Москва. Я узнаю ее в два счета.

I

Не спит художник, не предастся сну,
Метро "Аэропорт", горят все окна:
Вон там роман кропают про войну,
А там комедию про синтволокна.
Стихи читаю сразу наизусть,
Там ни про что, но строчки вылетают
Монетой ударяясь об пол принцем, ну и пусть,
Ведь сказок нам давно не сочиняют.
Гляжу в окно, там родственники спят,
Летают верстки гранки корректуры,
Собака лижет синеньких щенят.
Коньяк а ля фуршет и все стоят,
Всем смиренно в филиале префектуры!
У этой дуры - нет, пардон, мадам,
У ней в дому салон для диссидентов.
Валюта твердая коктейль для дам
Иконы (нет, Христа я не продам)
И много западных корреспондентов.
Поет Бачурин, тенор и поэт,
Е.Рейн читает до аплодисментов,
А после фирма ловит тэт-а-тэт
Понравившихся ей интеллигентов.
Сапгир глазами ищет свой прибор,
Не спит художник, сну не предается,
Кто прям с валютой - выйдем в коридор,
Хоть вдохновенье и не продается...
Хозяйка лезет на второй этаж,
У ней там отдыхают две малютки,
Торговые агенты входят в раж,
Для подогрева входят проститутки.
Там выставлен на стенах Зверев А.,
А гений это вам, мон шер, не шутки!
Бачурин только спел про дерева.

Метрополь? Нет. Вон Рейн - да. Слова?

Народные. Но наша голова.

Сапфир и Рейн в обнимку (снимок первый)

- Мы первые, Генрюша, так и знай.

- Там Бродский назначает новых первых, эта
стерва,

Для Нобелевской премии вещает, негодяй.

- Поднимем тост за нас с тобой, Генрюша
(фон Киблицкий энд две модных манекенщицы
в Сафари мэйд ин Зайцев юэсса),

Все за бугром, одни мы (заглушают голоса

Идет Линицкий громко бьют в баклуши

И двух Петровых-Гладких братьев хают за глаза)...

II

Окошко в центре. ЖСК СП.
Б. Окуджава выбросил гитару.
И тротуар от струнного удара...
Когда стаканы лязгают в купе
Такой же звук, такая же тоска.
Самоубийство, значит, в ЖСК.

Он пишет исторический роман,
Но запятая снова не на месте.
Там между слов возник Афганистан
В глубоком тайном мысленном подтексте.

Литературе нужен чистый стиль.
Мы выше, право, выше, и не ждите...
Да вспомните хотя бы о "Лолите".
Но завтра весь наш сити, весь наш иль
Взлетит так высоко, что только пыль
Осядет запятыми. Извините.

Искусство состоит, конечно, в том,
Чтоб даже после этой катастрофы
Остался на планете толстый том,
Чтоб жить за нас остались наши строфы.

III

Летим над шпилем. Университет.
Есть у студентов в жизни цель - экзамен.
И рядом с этим меркнет целый свет.
Литература - мерзостный предмет,
Бескрайний список. Хоть не все стихами...
Литературоведы кажут класс -
Сюжет перескажите, идиоты,
Пусть Тэн читает сам свои работы,
Зачем проклятый Дант дошел до нас!

Карету мне, мчи прочь от этих мест,
Мой лебедь, разожди свой клюв тяжелый!
Диплом летит, как сыр. (лисица съест)
Чтоб с этим кончить, тормози над школой.

IV

Напротив церкви, между двух посольств,
В укромном ответвлении Арбата
Четыре этажа - невидный рост -
Стоит моя кирпичная громада.
Ecole française, не хочешь - уходи,
Иди в простую, так нас всех пугали.
Но мы с уроков лишних убегали,
Директора встречая по пути.
Какая смелость и какой размах!
Мы клали кирпичи в портфель к зубрилке,
Учителям и в лица, и в затылки
Смеялись, если были на ножах.
Мы презирали двойки от злодеев,
Отличников чурались как химер:
Отличник - это тот, кто всем пример,
А мы не уважали прохиндеев.
Напудренную дамочку - взашей,
Неграмотную фурию - на мыло.
Мы не были в плену таких вещей,
Которые нам жизнь потом внушила.
Искусство? Ай да Пушкин сукин сын,
За правду - не боялся - за свободу!
И к дьяволу мечтательную оду,
И Бальмонт был по мне тогда кретин.

Год шестьдесят девятый, класс девятый.
Блок - гений, Мандельштама нет пока,
И пламенем забвения объятый
Н.Гумилев и все его ребята,
Ахматова, конечно, чепуха.
Какой-то тунеядец в Ленинграде
Не враг народа, просто нет таких,
Вот Пастернак - тот враг, и сник, и стих

Тот синий том с Синявским в авангарде.

В те времена неслыханных свобод
Мы наглотались воздуха как водки.
На языке у пьяного... Ах, лебедь мой, вперед,
Ты опытней, хотя мы одногодки.

V

Ученый лебедь мой родился здесь,
Но вырос он в плену у древних греков,
Был Зевсом он, когда тот к Леде лез,
Софокл его видал в окрестных реках.
Его кормили с рук, и он ловил
Подачку то от Фрейда, то от Ницше,
Французскую ту школу он с Мольером проходил,
Расина и Рабле, сказать по правде, не любил.
Утенком гадким облетел все крыши.
Мой белый лебедь в звезды был влюблен
И стал бы астрономом непременно
(он в десять лет был в этом убежден),
Каб не алгебраический закон,
Где звезды вышли так обыкновенно.
Мой лебедь лет шести смешал цвета
И цинк взорвал соляной кислотой,
Был химик да порвал с наукой тою,
Не принял H_2O , писал - вода.

Среди детей утенок гадкий мой
Избрал себе прекраснейших подружек,
Тритонов рыбок жабок и лягушек,
И не хотел без них идти домой.
Он вырасти мечтал быстрее лет,
Все сразу или - лопалось терпенье,
И зеркалам предпочитались тени,
И он столетья призывал на свет.

Однажды случай был его проверить.
На даче летом (пасечник сосед)
Пчелиный рой я принесла в ладонях
Порадовать родных: во скоко пчел!
Я знала, что они кусаюг больно

И умирают после. Стало быть
За дело жалят, коли платят жизнью.
А совесть у меня была чиста.
Родные заорали точно дети,
И кто-то жало получил в язык.
Ах, лебедь мой, ты тоже испугался,
Когда другие выказали страх,
А ты был так уверен в точном знаньи
Природы смерти. Но поверил им
И выпустил сокровище из клюва,
Как змей клубок, да смылся, точно вор.

Нет, лебедь мой, тебя я не виню,
Но мы теперь так далеко от дома,
Что я поверить страху премину
И вдруг о чем-то думать по-другому.

VI

Вот карта - и земля везде тверда,
Как ленинградский тунейдец в Штатах
Нам заявил, но я его сюда
Зову во сне - так, как зовут крылатых.
Здесь почва рыхлая и скользкий лед,
Но соблазнитесь царскосельской грушей!
В ней Пушкин перед смертью сделал уши,
Что скажете - услышит и поймет.
Да вот еще в Шахматово забава:
Там Блок ребенком озеро крестил.
И если дунуть (возле ив направо),
То вылезет волшебный крокодил.
По щучьему веленью мир настанет,
Просите Вы, он в Кушнера плюет,
Все говорит ему "уйди, я занят",
Ждет Вас, сучит ногами, слезы льет.

А в Питере все так же, но пустынно.
Вы США рекомендуете в стихе?
Где жить - неважно - где оставить сына,
Но умереть - на русском языке.

VII

А ну-ка попугай, заткнись, проклятый,
И с Бродским не шути как с дураком!
Он назначает первых, но ведь сам-то он не пятый,
И нечего дразнить его тайком.

Куда ты сел, мой ястреб непутевый,
На голову статуе - кто такой?
Ах, Маяковский, вот Вы здесь какой,
Чугунный и не брешете ни слова?
В.В., из всех поэтов Вы один
Отгрохали себе такую штуку.
Есенин - тот со всеми, Пастернак, а Вы один?
Вот обрекли, наверное, на муку!
До тридцати семи так бушевать,
Чтобы потом стоять по стойке смирно?
Вас Опекушин мог бы отлить,
Но кто-то Вас лишил ориентира.

Пернатый, рядом "Юность", подгреби,
Расскажем им, что Маяковский мертвый.
Рабочий день как раз и пол натертый,
Но в комнатах расставлены гробы.
Открылась крышка - вылез Полевой,
Он всем живым не рад. На сообщенье
Он закивал трухлявой головой:
"Хоть все бы умерли. Прошу прощенья", -
Сказал и крышку снова затворил.
В гробу он спал пил ел писал курил.

У гроба стул, Дементьева я вижу,
Красив, приветлив, вышколен, холен,
Ну самый что ни есть Аллен Делон -
Так почему же здесь, а не в Париже?

Загадка. (кто поймет, тому мой приз)
Зовут его Наташа. Это ладно,
Но входит враг к нему без всяких виз,
А он так улыбается приятно...

Народная пословица гласит:
Все в юности поэты, в этой то же,
И лебедь мой в нокауте лежит
И до зубов покрыт гусиной кожей.

Беру под мышку птицу, как дитя
Баюкаю. По каменным ступеням
Спускаюсь вниз, потя и пытя,
На улицу с моим приобретеньем.
Тут бабка с сеткой: "Где брала гуся?
Вчера у Елисеева таких вот
Давали в целлофане, в этот выход,
Соседка говорит, пройти нельзя.

А у меня у внука потрясенье,
Назначили на самый лучший пост.
Сказал: гуся не будет в воскресенье -
Тебя зажарю, бабка. Вот прохвост!"

Тут лебедь мой заерзал, сам горячий,
Глаза открыл печально - бабка в крик:
Спасите люди, гусь-покойник зрячий,
Он оборотень, дьявол настоящий,
Средь бела дня, да как эт он проник!

И возле нас шарахались, толпились,
Как вышел вдруг из "Юности" поэт:
- Садись, я подвезу, давай пакет,
Тебе куда, как муж, ему привет, -
И "Жигули" послушно покатались.
Поэт был замечательный шофер,
Заядлый теннисист, любимец женщин,
И самый настоящий мушкетер,
И даже автор текстов ихних песен.
В машине разговор всегда один:
- Ты в гости? - Да. - А Вы на тренировку?
- В театр. - А я к врачу, лечить головку.

- Пора, пора. (кончается бензин)

Мы делаем у церкви остановку.

- Пока. - Пока.

Нажмите кнопку. Дзын.

Вам дверь откроет сочный господин.

Казались вы больным? Под этим кровом

Вас делают практически здоровым.

Лечение на дому проходит так:

Вы пьете чай, затем ложитесь в койку.

Снять диэлектрики! - Как? - Все снимайте, как!

Синтетика мешает делу только.

Глаза закрыть молчать и ноги врозь.

В руках врача играют биотоки,

Ввергая вас в спасительный гипноз.

Вы в первой стадии. Почти как в морге.

Диагноз: дистрофический невроз.

Почти шизофрения. Десять шансов,

Что вы умрете. Вижу вас насквозь.

И только после девяти сеансов...

Студентка-пациентка крепко спит.

Мой лебедь, тоже чокнутая птица,

От смеха лопнул, чтобы раствориться.

А так как он гипнотизер, спирт,

То знает толк и может сам лечиться.

Ушла студентка. Мы сидим с врачом,

Пьем чай и пересказываем сплетни.

Мне легче. Он тут в общем ни при чем,

Но лечат чары дружбы многолетней.

Я безусловно верю в чудеса

И уважаю профессионалов.

Мой лебедь, поднимайся в небеса,

Повисни над Смоленской, там гроза,

Год семьдесят шестой. Итак, сначала.

IX

Дипломная работа - страшный сон.
О мифах древних греков в нашем веке.
Ох, эти греки, ох уж эти греки!
И вот меня заметил Аполлон.
Ты - говорит - богов все изучаешь,
А что тут изучать, лети за мной.
И он открыл мне облик свой земной
И стал совсем как близкий и родной.
(Читатель, ты Гомера-то читаешь?
А то я говорю как со стеной).

Но впрочем, тут сказать необходимо:
Мой университетский педагог...
Георгий Константиныч, Вам, любимый
Мой Учитель, я посвятила греческий свой слог.
И вот о чем был этот монолог:
Кассандра и Электра - или-или,
Но обе Агамемнона любили,
Был Аполлон к ним нежен, свет жесток,
Из Трои нету в Грецию дорог!
Вы логике меня тогда учили,
И я была прилежна, видит Бог.

Х

На площади Смоленской дом стоит,
А в доме тетя белая сидит.
Пришли к ней в гости львы и куропатки,
Парапсихологи и психопатки

- Бабочка-красавица, кушайте варенье,
Или вам не нравится наше угощение?

Но там, конечно, было все не так.
Сеанс телекинеза, грустный маг
И личный врач, и публика в восторге,
Но факты лгут. Кто верит, тот дурак.

Феномен - фат, но публика довольна,
Обман ей чудится командой "вольно",
Но фат не шут, и суд его жесток,
А слово может сделать очень больно.

Он начал так: "Любители чудес!
Не стыдно ль вам, что очутились здесь?
О нет, не жажда истины вела вас,
И даже не научный интерес.

Вам не за что погибнуть, жить тем боле,
Но биоэлектрическое поле
Вдруг в веру обратило вас? Увы,
Оно не даст любви, покоя, воли.

Вы - общество скучающих ослов,
И чудеса не вскружат вам голов.
Вы их не замечаете, и лучше
Наладьте отношения полов".

Средь всех, кто там собрались, я моложе
И (Пушкин) лучше, кажется, была.
Совет его так странен был, но все же
Был правдой, как потом я поняла.
А транспорт был тогда такой прелестный,
На "тройке" темно-синих "Жигулей"...
Но впрочем, это все тебе известно.

XI

Письмо Онегину (но веселей)

Я к Вам пишу. Другому отдана я
(молчи, сова, и не мешай писать),
Но Зевса вовсе не ждала Даная.
Ах, эта мифология опять.
Льет за окном уже вторые сутки,
Не по себе от шорохов, и ждешь,
Что вот уже забудешься, заснешь,
Но сотрясет вдруг небо грохот жуткий,
И золотой прорежет стены дождь.

Вы говорили: ложь и правда слиты,
За подвиги сошли бы все грехи,
А звезды - это те же сателлиты,
И дворник не отличен от элиты,
В ответ я написала Вам стихи.
Не приведу их здесь, они в хорее,
То первое, что вывело перо:
Мол, все неверно в мире (как старо),
А слово - истина (еще старее).

Мне в Вашем сердце, право, нет нужды,
А в Ваших убеждениях тем боле,
Вы - добрый гений мой, герой мечты,
Источник вечной радости и боли.
Ну как ты там? Передают, что жив,
Хотя считают чуть ли не убийцей.
Так знай же, привередливая птица,
Мне наплевать, поскольку это миф.

Кончаю. Перечеть не страшно, страсти
Питаются обманом торжества.

Вот Саломея - верная вдова,
Ей грезится пророка голова,
И нету на Земле иного счастья.
Кассандра будет вечно неправа,
Электра светлым символом протеста...
(в убийстве обвинят всегда Ореста),
Ланая уж родит, а все невеста,
Et la littérature est tout le reste.
(а русский перевод - слова, слова).

XII

Все в памятниках, нет пустого места,
И стелы, друг на друга громоздясь,
О памяти кричат и просят нас
Не забывать, как жениха невеста.
И мы ведем со смертью диалог,
И это называется - искусство,
А жизнь под миф - надежнейший залог.
Все репетиция. Повтор. Подлог.
Спектакль не состоится, если чувство
У пчелки жало выманит не в срок.

XIII

Мой лебедь воплощается прилежно,
Вот жаворонком голос подает.
Какой-то ранний час в Москве пробьет,
Здесь каждый миллиметр - посадка взлет,
А продолженье следует, конечно.

август 1980

к о н е ц п е р в о й ч а с т и

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

п р о л о г

Друзья мои, не верьте ничему.
Священник передал через газету,
Что власть от Бога, но ведь Бога нету!
Христа распяли, верно, потому,
Что он плевать хотел на власть на эту.

К тому ж еврей. "Все беды от жидов", -
Поведала иконе прихожанка.
Я ей: "Да Вы в своем уме, гражданка?
Исус - порхатый, порх - и был таков".
Она мне: "Ах ты нехристь, ах, поганка!"

Тут лебедь страшно выпучил глаза
И проклял вмиг логические знания,
"Вы только поглядите, небеса,
Слова все слиплись, их расчесть нельзя!"
В ответ летели знаки препинанья.

Не сотвори кумира, зла не множь,
Но почитай заместников господних.
За них - на смерть, а против - в спину нож,
Да истину вдруг не прими за ложь,
Не то сойдешь в одну из преисподних.

Друзья мои, не верьте ни во что!
На сто царей есть сотня самозванцев,
На сто священных книг подделок сто,
Все зло - слыхали, нет? - от иностранцев.
А добрые жестоки, как никто.

Мой лебедь, например - добрее нету,
Но только птице этой не перечь,
Иначе со спины его да в Лету
Летит изменник. Вот об этом речь.

Его - был случай - в клетку посадили
С благою целью, чтоб не улетел.
А в нем дурные мысли забродили,
Он выл белугой, чтоб освободили,
"Да ты же не в тюрьме", но он хотел
Туда, куда его не отпустили.

- Ну, все сказала? - Лебедь сразу в слезы.
Сейчас потоп настанет на Земле!
Ковчег собрать, скорей, пока морозы...
Вон там уже циклон на помеле!

Сбылось, сбылось Перуново проклятье!
Свалили Бога в реку мужики,
А он на мостик палку кинул - нате,
Деритесь меж собою, дурачки!
А после драки сколько очутится
Пар чистых и нечистых - стройте плот,
Да не забудьте взять с собою птицу:
Когда от вод Земля освободится,
Вам эта птица волю принесет!

I

Литература - это смерть богов,
Вселенский ужас перед пустотой,
Ковчег, не узнающий берегов,
Восход над бесконечною водою.

Искусство песни в том и состоит,
Что гроб неотличим от колыбели.
.....

У Генриха Сапгира дом стоит
Напротив МОНИКИ, на самом деле.
Мой голубок, ты в форточку влети!
Хозяин не на шутку взволновался:
Ах, птица - к смерти. Значит, я нарвался?
Звонить "03"? нет, глупо. Господи, прости,
Еще немного! Как ты, гад, сюда забрался?
Зелеными глазами он глядит,
А голубь мой то сядет, то взлетит,
И об пол вдруг ударится девицей:
"За что ты на меня, мой друг, сердит?"

II

"А сколько кубометров ваш Ковчег?" -
У плотника спросила дама в черном.
- Да сколько влезет, был бы человек,
А, главное, было б дерево отборным.
Вот попадись осина - все ко дну,
А нужен дуб. Дубов-то нынче мало!
Достанешь - в список занесем, в анналы,
А нет - оставим здесь тебя одну.

Раскосым черным глазом поведя
И шею выгнув так, чтобы морщины
Расклеились, она сказала: "Я
И не предполагала, что мужчины..."
Но плотник был женат, народен, груб,
А к женским чарам вовсе равнодушен,
Он отвечал: "Мадам, мне нужен сруб".
Как будто ей был этот плотник нужен.

Ну, дальше - хуже. Дама к мужу в дом,
Которого оставила когда-то.
Дом был дубовый! Вот она, судьба-то!
Не верь глазам своим. На месте том
Вбит кол с табличкой: имя, ниже дата.

А память крепче, что ни говори,
Чем все ковчеги, полые внутри -
Что черный лебедь на холме застыла.
Березы шелестели. Лето было.

III

Гвоздь за гвоздем, и под удары плотник
Кряхтел: "Поднявший меч на наш союз"
И "Дерева" насвистывал, из всех известных Муз
До песенной он был большой охотник.
На полуслове песню оборвал,
Из рук кувалду выпустил - виденье!
Невидимые струны кто-то рвал
В великом, неземном остервененьи!
Мерещился ему то крест, то черт,
Но звуки поглощали цвет и воздух,
И хриплый голос на разрыв аорт
Вдруг выгнулся над ним в хрустальный мостик,
И колоколом свился, распростерт
Над белою водою и песками.
И будто бледный конь... Нельзя стихами.

IV

И плотник спал три ночи и три дня,
И трижды так. Проснулся, словно с крыши
Упал, и глядь, а он уже в Париже!
За Нотр-Дам он принял дом со сна,
Внутри заглянул - там дама в черном с кошкой
Голубоглазой. Миг - и пустота.
И билась птица светлая в окошко,
Решетку окровив, а рядом та
Возникла снова, сжав в кольцо два пальца,
И только плотник ринулся вмешаться,
Вдруг видит - заседание суда,
А сам он на скамейке подсудимых,
И кто-то говорит: "У нас невинных
Не судят, знайте раз и навсегда".

Откашлявшись, свидетель продолжал:
"Мне этот тип всегда казался странным.
Акцент! Ведь я давно предупреждал,
Следите за акцентом иностранным!
Не все ж евреи, хоть и их полно.
Есть нечто третье". Плотник не сдержался:
Кто Вы такой? Мне видеть Вас смешно!
Тот: Я ж вам говорил, он помешался.
Тут судьи встали, с ними прокурор,
И был почти зачитан приговор,
Вдруг кто-то поднял руку - люстра пала,
И темнота. Ни судей нет, ни зала.

Вдруг - гром аплодисментов, снова свет,
И плотник видит, что сидит он в ложе,
И сцена, и классический балет,
Одетта и Одиллия, похоже.
Он выждал сколько надо фуэте,

Чтоб принцево лицо остановилось.
Ну точно, тот, который был в суде,
Все те, и прокурор, скажи на милость -
Он следующий номер объявил:

"Жванецкий Михаил". Партер завыл.
То был не просто номер - гвоздь программы,
Высмеивались склочники и хамы,
Шел вечер много-много-много лет
Журналу "Юность". Так гласил билет.

"Перед концертом было заседание, -
Сказал сосед - и Вы лишились чувств".
И плотник, покраснев, покинул зданье,
Центральный Дом Работников Искусств.

V

Одетта, между тем, снимала грим,
И перестав быть глупой балериной...
Мой лебедь, станцевать хотел ты им?
Ну что ты крутишь шеей лебединой?

"Искусство танца, - лебедь отвечал -
Бессмысленно, как все на этом свете.
Ах, если бы хоть что-то означал
Сюжет! А суть, конечно, в пируэте".

Свет в закулисы тускл, но зеркала
Размножат блеск очей, гвоздичный веер,
И движется надушенный конвейер
Вдоль ширм, вокруг гостинного стола.

Здесь принц похож скорей на Буратино,
И тихий папа Карло у стены
Ждет - пусть и не Барышникова - сына!
Волнуется надменная Мальвина,
И ей цветы сегодня суждены.

Конферансье - аристократ по виду:
И в бархате, и как себя ведет!
Глядишь на сцену - полный идиот.
Превратности подмостков очевидны:
Весь мир - театр, где все наоборот.

Вот ширма отодвинулась - оттуда
Жванецкий М., уже переодет.
Нет худа без добра, добра без худа,
Исус переодет - уже Иуда,
Без этого искусства - жизни нет!

Я жду Одиллию, сказать два слова.
Все пьют, одна гримерка занята!
За это время можно было снова
Стать лебедем. Открою? Ничего, а?
Отодвигаю ширму. Пустота.

VI

Известно, что у каждой бабы есть
Муж так себе, ребенок гениальный,
Соседка сволочь; мой же лебедь - смесь,
Да вот еще с крылами, окаянный.
Я говорю ему: лети домой.
Упрямится и смотрит прямо в душу.
Дом на Преображенке. Боже мой,
Покой Е. Рейна я теперь нарушу!

Послушай, голубком влети и сядь,
Посмотрим, что с хозяином случится.
И голос Жени: "Дайте мне поспать,
Что за манера, по ночам летать!
Ой, это же не женщина, а птица.

Что, выпьем, голубь? Ты издалека?
Ну - письма, передачи, переводы...
Speak English или просто из ЧК?
У кой-кого есть кое-где рука...
Чего глядишь? Чего ты мутишь воду?

Стихи прочесть? Из тех или из тех?
Вот погляди: английский Евтушенко.
В антилопиной коже издан Женька.
С той антилопы месяц стригли мех!
Сто экземпляров - придет маленько.

Еще тебе на шубу хватит, слышь?
Я попрошу - он даст. Чего сидишь?
А голубь вдруг ударился девицей:
О чем ты, друг любезный говоришь!

VII

А плотник в эту ночь на пне сидел
И письма вновь пришедшие глядел.
Читал их вслух озерам звездам травам
И чувствовал себя в рассудке здравом.

Вот Гамаюн наш, Александр Блок:
"Не верьте мне, молю, я не пророк,
И чувствую, что дано мне было свыше,
Я подчинить безумия не мог.
Все вижу. Несказанная свобода
Меня сковала. Призраки у входа
На лестницы - подосланы из Тьмы,
Во искушение нашего народа".

А Тютчев видел, будто поп Гапон
Вернулся к людям, ибо - пишет он -
Душа его на место преступленья
Стремится, поселяясь в жизнь как сон.

Вот пулю с пробой Гумилев прислал.
Записка: "Девять граммов я достал
Из сердца. Чистым золотом нас метят,
И нам вернуть подарок час настал".

Еще презент. Цветаева М.И.
Железный гвоздь. Вобьешь хоть в воздух, и
Он держится, всех лозунгов надежней,
Печатка есть: "Я ваш, а вы - мои".

Вдруг плотник видит: что за ерунда!
Написано: "До Страшного Суда
Осталось три пути в шести пределах,
Цветов семь черных, семь таких же - белых".

И плотник закричал: "Нельзя же так,
Ах, Хлебников, ну что Вы за чудаки!"
При сих словах вода пошла Землею,
И обратились деревья золою,
И травы, желчь повыплюнув ветрам,
В камнях скрылись. Шерстью голубою
Клубился воздух. Тихо, как в аду.
И призраки учуяли беду.
А всех-то дел на свете - утро стало,
И жаворонки в розовом луче
Резвились, и листва затрепетала...
А письма - привилегия ночей.

VIII

Мой лебедь, все же я настичь хочу
Ту черную, летим-ка на озера!
Ершится: ни за что не полечу.
Ну, слово за слово, дошло до ссоры.

И я иду, раздевшись догола,
В тот бесконечный путь познания зла
И верю, что единственное Слово
Смертельно для звериного Числа.

По именам зову цвета, цветы,
Названья их вернут из пестроты.
Услышу хор - узнаю каждый голос,
Овраги различаю и мосты.

И как-то говорю я: Свет и Тьма,
День с ночью перепутаю сама,
И говорю тогда: есть Бог, есть Дьявол,
И надвое деля, схожу с ума.

А лебедь мой себе наметил путь,
Оставшись сиротой, чем был доволен.
Лети, куда глаза глядят, ты волен!
Ну, свидимся, наверно, как-нибудь.

Дорожки разошлись - к добру и злу,
Он - дело ясное, он понимает.
У птиц инстинкт - лететь всегда к теплу,
А пеший ход полжизни отнимает.

IX

И я иду, раздевшись донага,
Мне руку метит радуга-дуга,
Кошей бессмертный косы заплетает
И в зубы смотрит бабушка Яга:

"Как в царство тридевятое придешь,
Да государство тридесятое найдешь,
Да вот тебе яичко не простое,
Да вот тебе яичко золотое.
Да вот тебе на ниточке гвоздок,
Да кинь его на запад, на восток,
Да приведет тебя он к озеру мертву,
Да станешь рвать там сорную траву,
Как черный лебедь выплывет навстречу,
Яичко кинь ему с такою речью..."

Но речи бабка не произнесла,
Кругом леса поля луга дола,
И я иду по сахарной дороге,
Вдруг с лаем пес подкатывает в ноги.

Дай Джим на счастье лапу мне, привет!
Да отвечай-ка, близок ли тот свет,
Где воды непрозрачны и тягучи,
Но сукин сын молчанья дал обет.

Пророк четвероногий воеет в час,
Когда фитиль заплыл, но не погас,
Вдруг птица в дом влетит и, дрогнув, воздух
Смахнет огонь, и тьма обступит глаз.

К красотам лета слепо око пса:
Пчела слегка чернее, чем оса,

Но ухо различает волны спектра,
И воздух весь окрашен в голоса.

Собачий хвост мелькает впереди,
И можно прямо так, за ним, идти,
Но вот он примелькался - вроде, кустик,
Каких встречаешь сотни на пути.

X

А лебедь мой летит, летит, летит
И делает уже четыре круга.
По всей Земле на всех людей глядит
И ищет хоть какого-нибудь друга.

Вдруг кто-то поднял руку там вдали
И проголосовал - заметил, значит;
И значит, люди с лебедем контактат,
Но у крыла вдруг пролетело "пли",
И хруст внутри, и тело накренилось,
Перевернулось небо, кровь струилась,
И от прикосновения земли
Ничто в лице его не изменилось.

О не стреляйте в белых лебедей!
Они хоть и бессмертны, суть не в этом,
Они запоминают нас, людей,
И все потом передают поэтам.

(По пересказу этот эпизод
Записан раньше: "Сжав в кольцо два пальца,
И только плотник ринулся вмешаться,
Вдруг видит..." и так далее). Ну вот.
А плотник, врач по духу и призванью,
Увидев птицу, начал колдовать.
Из листьев сотворил ему кровать,
И вылечить мог без образования:
На документы, он считал, плевать.
А кто стрелял - имел билет и справку,
Казенное ружье и все права,
Диплом охотника, за выстрел ставку,
И не убий - слова слова слова.

Оправившись от звука "пли", мой птенчик
На плотника смотрел во все глаза.
Чуть построгает - выйдет человечек
И всякие другие чудеса.
Но в основном дивился лебедь людям.
Приходят в день по десять человек
И говорят: "Ну как там Ваш Ковчег?"
Возьмите нас, и мы вас не забудем".

Пришел один такой смешной седой.
Я, говорит, больной и под водой
Дышать не в силах, так что уж примите.
Ему другой: а Вы и не дышите.
Я сорок лет, мол, жил и не дышал.
А третий: так чего же прибежал?
И плотник слушал всех и соглашался,
И плакал по ночам: "погиб Ковчег.
Я всех спасти мечтал, но в этот век
В них нет любви". И очень сокрушался.

XI

А я иду по сахарным пескам,
На солевых кристаллах спотыкаюсь,
Такая жажда, за глоток отдам...
Уже в обратный путь чуть не пускаюсь.
И каюсь, говорю себе: напьюсь
В озерах черной крови - и боюсь.

И выбирая смерть не ту, что ближе,
Мираж ли нет - такую сцену вижу.
Дуб вековой, и цепь на дубе том,
И черный кот. И принц голубоглазый,
Цепь теребя, беседует с котом.

Принц: "Вот зараза, плотник, я ему
Несу букет гвоздик, пакет с гвоздями,
Он не берет. А где он их берет?
Ведь ни одна задрипанная фирма
Гвоздей уже не делает лет сто.
Да, за красивые глаза фиг пустит,
Гони, мол - дуб - и никаких гвоздей.
Я говорю: "Что люди будут думать!
Ковчег - святое!" Ну а он свое:
"Свидетельствовал ты не бескорыстно,
Верни свой долг". Я: "Да с чего ты взял?"
"С того, что ложь - дитя вознагражденья".
Он, видишь ли, философ. Слушай, кот.
Уступишь дуб иль утоплю как суку".
А сцена вся привиделась затем,
Что в ней колодец был и бил фонтаном,
При сих словах усилившись в струе,
Которая могла бы смыть обоих,
Но кот на дуб, там молния и гром,
И дуб дал дуба, цепь одна осталась,

И золотую змейкой уползла.

И так смеясь себе, гляжу на свет,
Что держит камни девяти планет.
Купающихся в теплой звездной пыли.
Неужто это боги прежде были?

XII

"Вы что там ковыряетесь в земле?" -
У плотника спросил бестактный лебедь.
"Клад зарываю, - отвечает - мне ведь
Жена приносит взятки в подоле,
А это исторические урны!
Гжель, Палех, Гусь Хрустальный, Хохлома..."
"Зачем же это столько хлама, а?
(Хлам лебедь уважал литературный)
Ведь после нас потоп - и тишина!"
- Ты слишком для меня культурен, сокол, -
В сердцах заметил плотник - вот-те на,
Я кузнецовский соусник раскокал!
Ну ничего, земля хранит, что есть,
А им потом, поди, не соус есть.
Минут пятнадцать оба помолчали,
И гусь опять с вопросами полез:
"Вы всем в Ковчеге место обещали,
А там, дай Бог, чтоб чемоданчик влез!"

И плотник отвечал: "Ковчег велик,
Ибо скрывают воды материк,
Когда смертельна ненависть подобных
К тому, кто сотворил их первый миг.

И ты все небо трижды обогнешь,
И ты на свете жизни не найдешь,
Но обнаружишь много всякой твари,
Всех по одной, а надо бы - по паре.

Тут дама в черном к плотнику вошла,
"О горе мне, мой дуб сгорел дотла,

А если Вам угодно помириться,
Я стану черной, Вам покорной птицей".
И плотник сделал пруд, как для людей,
Пустив туда обоих лебедей.

XIII

А я иду, и в горле нет слюны,
Яйцо кидаю - и в глазах двоится:
Два Солнца - или это две Луны?
Два силуэта - две огромных птицы
на фоне Марса - это бог войны.
Но может быть, мне это только снится?
Два громовержца в небе, две десницы -
И нить с гвоздем ведет в две стороны.

сентябрь 1980

к о н е ц в т о р о й ч а с т и

ПОСЛЕСЛОВИЕ К I И II ЧАСТИ

Меня не оставляет зависть к эпохам, когда была у людей надобность в бессмертии. Эта надобность рождает мифологию.

Наша эра старится. Она выросла с Гомером и Библией, и оставит в наследство свою КНИГУ, своих богов и героев. Поэзия только перед лицом смерти открывает высший смысл своего существования.

XX век, поверивший в человека как в Бога, создал немало прекрасных творений. А уровень цивилизации оценивается качеством человекоубийственного оружия. Такова диалектика, законы которой непреложны для человечества, потерявшего Бога.

Я не принадлежу ни к какой церкви и не называю Бога никаким именем человеческого языка. А атеистов страшусь как химер, ибо это убежденные мертвецы. Хотя и в мертвецах можно любить искренность.

У кого нет прошлого, у того нет будущего — важно, что мы считаем своим прошлым. Ибо оно живет в нас и нами владеет.

К читающему эти строки обращаюсь с низжайшей просьбой: простить мне грех упоминания реальных имен живых людей. И не спрашивать, отчего названы одни и не названы другие. И не злорадствовать, и не обижаться. И помнить, что повесть не закончена, но так как мне не известно, будет ли она когда-нибудь закончена и на сколько частей продлится, то и эти две, не будучи главами романа,

готовы к тому, чтобы вести диалог с читателем.

27.IX.80

Т.Щ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,
состоящая из трех эпилогов к повести,
они же - прологи к песням.

п р о л о г I

Все. Пятистопный ямб мне надоел.
Но чтобы' третью часть начать хоть как-то,
Я с нею в нем одном ишу контакта -
Так, как писатель ходит в ЦДЛ
И теплит огонек литературы
В кафе, в каминной - домом стал мне ямб
Ночей бессонных, здесь, при свете ламп,
Вдали от переменчивой цензуры,
Мне часто страшно, что уйду вовек
И не пойму, и крикнуть не успею -
И вот спешу проникнуть в эпопею,
Покуда в ней живу как человек.

Я - все. И говорю, как все, стихами,
А что до обаянья чистых форм,
То не в коня, как говорится, корм -
О Пушкине скучаю, о Хаяме,
И говорю то так, то рубаями,
Местами даже путаю размер,
Меня и в жизни иногда заносит...
А со стены глядит сюда Иосиф -
Не тот, понятно, тот бы не посмел.
С вожжами я и дела не имею,
Им все бы ставить опыты, а я
Скрути-ка, на! - все делаюсь прямее.
Неопытная крыса - что змея:
Укусит. Да, они такие, змеи.

Октябрь. Мне жизнь дороже в октябри,
И оттого я дьявольски рискую -
Схожу с ума, влюбляюсь и тоскую,
И говорят мне: "Таня, не дури",
Но время в ритме вальса - хоть умри -
Подступит и оставит: раз-два-три.

п р о л о г II

Вот имя - Пушкин - скажешь, не запнешься.
Клянутся им все полтора года лет.
Кто самый лучший на Руси поэт?
Ну, Александр Сергеич, улыбнешься?
Пожалуй, напишу тебе сонет:
Поэт, не дорожи!.. Чего смеешься?

Наталью Николавну не проймешь.
Пусть их кричат: распутницу на мыло,
Мариниванна Пушкина любила
Куда как с большим пафосом - и что ж?
Любимые не ставят нас ни в грош,
И потому любовь не стоит пыла.

Я, Александр Сергеич, Вам гожусь
В праправнучки, но гены бродят, суки,
И в эту осень мне не снести разлуки.
Я к Вам пишу и я на Вас сержусь:
Вы сочиняли гимн */ , какая гнусь,
И как у Вас не отвалились руки?

Он наш, он Пушкин, видит с ним любой
Такое сходство, как с отцом или братом.
И бушевал он, и ругался матом,
Хулил царя, смеялся над толпой,
Но вместе с тем - был где-то с нами рядом,
И кто б ты ни был - он всегда с тобой.

*/ Пушкин является автором текста гимна "Боже, царя храни" (первая строфа принадлежит В. Жуковскому)

п р о л о г III

О лебедь мой, пернатое подобье
Души, что вознесет тяжелый прах,
Стоит твое застывшее надгробье
На белых обольстительных снегах.
Я прихожу на кладбище, гуляю,
Дышу любовью, запахом могил,
И знаю - до поры, и дальше знаю:
Патологоанатом объяснил.
Он все мне объяснил: "Сперва вскрываю
Брюшную полость, после скальп снимаю,
Три литра крови на фиг выпускаю,
Вливаю в капилляры хлорофилл..."
Ах нет, не так он как-то говорил.
Итак, зима на кладбище, гуляю.

Читаю эпитафию: "Средь птиц
Ты отличался высотой полета.
Мне без тебя и жить-то неохота,
И оттого я припадаю ниц"
Вот смех, мой лебедь, как тебя любили,
Воздеты к небу мраморные крылья,
В раскрытый клюв засунут пук гвоздик,
И кто-то отломил на память кончик
Хвоста. Ну глянь, ну подлинный антик,
Хотя и состоит он лишь из строчек.

Да не с тебя ли Врубель рисовал
Царевну-лебедь, говорят, мир тесен,
Но до сих пор никто не исполнял
Моих любимых лебединых песен.

Неужто изваянья не поют?
Неужто в них не проникает голос?
Я слышу звук, как будто укололась.
Бесшумно звезды с неба упадут,
И я засну. И нас оставит Хронос.

П Е С Н И

* * *

Меж черными стволами снег
Осенний свод мутит и крутит,
Растопленной свечи замерзший прудик
Истлевшей плоти льет^с холодный свет.

Сухого сада горсть как клочок волос
Метет Земля на край своих владений,
И нет ни взлетов, ни падений,
Лишь звук шагов да шум колес.

Мой златокудрый мальчик, подожди,
Летать не время, только будет поздно,
Весной пойдут высокие дожди,
Но вот куда приходят эти весны.

Мой златокудрый мальчик, ангел мой,
Там темнота, хотя на свете утро,
Глаза из голубого перламутра
Граненым хрусталем горят зимой.

У Снежной Королевы есть дворец,
Где все прозрачно, все неодолимо,
Где небо - из аквамарина,
Где дом - из яшмовых колец.

Как тяжело носить на голове
Покров из золотистого топаза,
По желтым листьям, по краям ветвей
Вдруг высыпает белая проказа.

А там, в потеках трещин, темный свод,

Пещера вечных снов, там время стало,
В пустом вагоне едет сын Дедала.
Уходит поезд. Вот сейчас уйдет.

1980

* * *

Кислая капуста в ноябре -
Самая безвкусная пора.
Хрупкая рябина на дворе
Стала пухлой карлицей вчера.

Скучная картина за окном -
Сумерки да вечер до весны,
Снег кружит над тусклым фонарем.
Слава Богу, есть на свете сны.

В дом зашли заброшенный с крыльца,
Руку дал мне принц, да стал дворец,
На балу кружили без конца -
Утро наступило под конец.

Как рассвет да мерзлая вода
У крылечка в цинковом ведре,
Так пришла блаженная беда,
А пурга какая на дворе...

Что же ты растаял, свет ты свет,
Дни забором серым стали в ряд -
Все равно дворец видать в просвет!
Только сон тот - к смерти, говорят.

* * *

Все - зима, все краса, все забыто,
Снег поет как далекая арфа,
Сладковатый декабрьский напиток -
Вся зима - триумфальная арка.

Снег истоптан, испит и истаскан,
Ранний вечер - прости, не поется,
Ты красавица, зимняя сказка,
Вся в брильянтах игривого солнца,

Но в такую-то роскошь влюбиться
Я, наверно, ни в жисть не сумею -
Вот такая ж зимой колесница
На огонь потащила Медю.

1980

* * *

Как объяснить безветрие, мой друг?
Перстом свечи уже очерчен круг,
И охранит нас сад, владенья Ночи,
Две пары крыльев - тени наших рук.

Туда ступить живому не дано,
Огонь так чист, поскольку он давно
Ничья стихия. Мысль к нему стремится,
Но мимо пролетает все равно.

И только вот на влажном языке
Слова скользят и пенятся в строке,
Огонь запомнит, а вода размочет,
А птицы улетают налегке.

Все явственней черта - повремени,
Я пламя укрошаю - не гони,
Я заклинаю ветры - погодите,
И забываюсь, так же, как они.

* * *

Твое молчанье режет слух.
В плену рождественских знамений
Вот-вот заголасит петух
О тайной жажде, об измене...

Капель оплакивает жар,
Истаивающий на окнах,
И дух мохнатый убежал,
Без сна продрогнув.

Житейских истин не любя,
Я верю в чистоту порыва.
Как я теперь хочу тебя
Напеть счастливо...

Тысячелетьями живет
Во мне все тот же миг полета,
Тот вечно не родимый плод,
Что ищет выход и зовет,
Зовет кого-то.

1980-1981

* * *

Если мы доживем до апреля,
То в апреле поедем на дачу.
Отойдем на холодной постели
От бессонницы этой горячей.

Будет печка топиться тихонько,
Будет вечер с картошкой и чаем,
Мы у печки закроем заслонку,
Выйдем в лес и рассвет повстречаем.

Приведу тебя к дикому пруду,
Где водились ихтиозавры,
Этих рыб я вовек не забуду,
Кто забыл, те, поверь мне, неправы.

Расскажу все старинные были,
Созову домовых - в самом деле,
Если зова они не забыли,
Если мы доживем до апреля.

1981

* * *

Дух дорог и расстояний,
Обогрей меня!
С разрешеньем медлит няня:
Девочка моя,

Не ходи, сотрешь подошвы,
Встретишь дурака.
Вышивай себе дорожку,
Верная рука.

Ах, рука, цветные нити,
Пальчик уколи,
Кровь на счастье, капле выйти,
Пальчик, не боли -

Говори так, боль утихнет,
И не плачь, нельзя,
Ко всему душа привыкнет,
Ясочка моя.

Слезы вытри белым шелком,
Отворю я дверь,
Как там вьюга воеет волком,
Не к добру, поверь.

- Я хочу упасть, разбиться,
Няня, отпусти,
Вышивать ты мастерица,
Нам не по пути!

Ну прости, скажи, что любишь,

Отложи шитье.

- Ты мне избу только студишь,
Золотко мое...

1981

ПЕСНЯ ДАНАИ

Великий Зевс, ты всем хорош,
Но вид твой мне невыносим,
О стань другим, слети как дождь
Слетал к далеким дням моим.

Тогда в беседке я ждала
Момент раскрытия цветка,
Всю ночь грибы росли, цвела
Весь день пахучая ольха.

В грозу терялась я средь роз
И молнии ловила ртом,
Была я женщиною гроз,
Ребенком возвращаясь в дом.

В июльский вечер у реки
Мне путал волосы Зефир,
В песке мерцали светлячки,
И лишь в воде я знала мир.

Теперь в темнице я томлюсь,
Со мною маленький Персей,
Я родила его, клянусь,
Не от каких-то брачных уз -
От золотых дождей.

Великий Зевс, ты всем хорош,
Но вид твой мне невыносим,
О стань другим, слети как дождь
Слетал к далеким дням моим.

VI

Лимерики. (1979)

* * *

Родившись, Борис Пастернак
был косноязычен и наг.
Подрос, огляделся,
слегка приоделся
и стал сексуальный маньяк.

* * *

У Анны Андревны Ахматовой
был в детстве котенок лохматый.
Котенка не жаль,
пошел он на шаль
на плечи великой Ахматовой.

* * *

Однажды по привычке идиотской
стал сочинять стихи Иосиф Бродский.
И написал опять
ну гениально, блядь,
и так писал всегда Иосиф Бродский.

* * *

За ней он ходил по пятам.
Она говорила: не дам.
Она говорила,
Она повторила:
Настырный же вы, Мандельштам.

* * *

Какая противная рожа, -
со скукой подумал Сережа.
Той рожей был Ленин,
Сережей - Есенин,
и были они непохожи.

* * *

Однажды в Шахматово Блок
вел с мамой такой диалог:
хочу быть юристом,
хочу быть артистом!
- Да ты ж не отличник, милоч.

* * *

Скажи, ты молоко или кефир, -
бутылке говорил хмельной Сапгир.
- Да нет же, я сметана,
не пей меня, ты пьяный, -
ответила бутылка, а был в ней рыбий жир.

VII

Стихи 1988 - 1990

* * *

перемен,
мы ждем перемен
Виктор Цой

Он поет в микрофон как в цветок,
Зигфрид из ПТУ,
тушью-пером расцарапывая каток,
где все на коньках, кто отбросил -
тот сунул ступни на горящую сковороду.
Он чертит: снимай коньки, не лозунг, а хит,
не мученик - супермен
в Трагедистане, где мы не живем,
а ждем перемен.

Двадцать лет в загоне катка
на котурнах в колодках с лезвием
бреющим снежную бороду льда.
И любые узоры от бритв -
это кровавые полосы кода:
СССР - Трагедистан,
только э т о мы чертим на спинке души,
раньше имевшей бюст и стан,
брата и антипода.
Вот оно, брюшко и крышка и спинка
с мальками душ
подо льдом. Но кончается тушь
и, может быть, начинается дом.

1988

ГЕРОЙ

Только грустный напев
где-то слышится...
Из народной песни

Нет в жизни ни труда ни отдыха
при общей-то дискинезии,
а есть желание с жадной подвига
и брошенность в анестезии.
Герой пойдет на поле ратное
и там падет дрючком пропертый,
а впечатление - обратное,
как будто самолет бессмертный
взлетает с полосатой площади,
как зебра-стар над зоопарком
летит, внизу толпятся лошади
в мишень-медалях, как за партой
на ширме горизонта движется
конвейер, город Тир - не Троя,
упала зебра, грустный слышится
напев на родине героя.

1988

БАСНЯ О ЛЮБВИ

Ты любишь козлов и они тебя любят, и хорошо.
Потому они все и рогатые, что хорошо.

И хорошо бы ишо.
Ты не любишь баранов, и они тебя не любят, и вот
плов харчо и шашлык ты уже не засунешь в живот.

А вот ты любишь лошадок, и они тебя любят,
и заебись,
ты погладишь ее и попьешь заодно и кумыс.

И коней ведь ты любишь и они тебя любят и лизут
большим языком,
но ты покупаешь им вожжи седло и садишься верхом.

Ты тараканов не любишь, а им наплевать,
поэтому они могут забраться,
а могут и не забираться к тебе на кровать.

Комаров ты тоже не любишь, а они тебя любят,
оттого ты их губишь, а они тебя как бы ни то,
но не губят.

Ты любишь козлов, с чего мы и начали эту балладу,
но к колышку не привязать - и с козлом нету
сладу.

А вот человека полюбишь, и железные схемы,
и желёзные схемы дают б а с н о словную течь,
и бывший гарем - это просто зверинец,

о чем в этой, как
выяснилось, басне, а не балладе, и речь.

ВИДЕО

Век памятников, век консервов,
век в пленках движущийся, меченый,
жить в жизни - не хватает нервов,
но наконец ты, человечек, вечно
оттянешься, и даже круче
(небесно ж царство!), чем в обыденьи,
на видеокассете включенный
в систему мира, в теле виденья,
в своем же теле, и в рубашке глаженной
от всех напрягов как герой дашь деру,
ты можешь в Белом Доме, подколлавшись,
пройти по золотому коридору,
ты можешь сам - подряд или на выбор -
кидаться в море скит гарем и сауну,
с кем жить ты должен был - ты взял и выпер,
здесь все на раз - и ты судьбе хозяином.
Ты имя соус и дизайн консервов -
все выбираешь: сортность, брит-не брит,
в конвейерах петлять - не хватит нервов,
а за семь дней кто ж мир не сотворит.

1988

* * *

Гася тридцать третий бычок,
за тридцать четвертую "Яву"
хватаюсь как хрен за сучок,
впечатав в офсетный сачок
трахейную сладость и отраву.
Я с краю, где серый волчок
сидит по фольклорному праву.
Я свой крематорий держу
и урну с золой выставляю
в стене - и понятно ежу,
что Мальборо, что анашу,
что я и пожар потушу,
и пепел в бумажку сложу,
и то что на ней - напишу,
и как я его запалю:
в лесу, партизански, ползком,
поджог начиная с мошонок,
я жгу и сердца языком,
сердца городских и прожженных
я жгу до золы, но туша...
опять этот серый мышонок
сидит на плите как душа.

1988

ШЕЛКОВЫЙ БЕС

В заточеньи в ссылке в омуте
есть столовые со стулом
и колонна с понтом в комнате,
где ты выглядишь сутулым,
заглянувшим в тыщу пропастей
сцен, экранов, трупных мест,
и в тебе сквозят подробности
точек звездных, пьяных, бес!
И еще - еще в крошечности
свет нельзя включить - разбудишь;
так и спишь у них из вежливости,
дрессируешься на удерж.
Как удав в загоне кроликов
растерялся бы во-первых,
так и бес среди поклонников
шелковый и весь на нервах.

1988

ЗВЕЗДА

Гори гори моя звезда,
окончен бал, но ты гори: не люстра.
Пусть кавалеры распустили дам,
как Думу Государственную чувство
обиды и несвежести во рту,
слюнящемся от сладости пирожных,
обычно предвещающих беду
для нежных и под это осторожных.
Пусть не вернется день, когда
и щеки и глаза горели,
гори гори моя звезда,
и он вернется, в самом деле.
А было - не горел и свет;
и рукописи не горели,
и Новым был еще Завет,
везде стояли колыбели,
а нынче с нового куста
слетают новые отцветки,
из коих каждый был - звезда,
бальзам вьетнамский для нимфетки.
Мой звездный час, мой слезный час,
я не передаюсь как факел
как олимпийский пидарас,
я не рекламный свет клоаки,
где темноглазый крест мой так смущен
добром зодиакального гарема,
поставленного на аукцион,
что я срываюсь с неба Вифлеема.

1987 - 1988

/триптих/:

І. БАЛЛАДА О СОВКЕ

Я как грушу не трясу как прежде полку -
не читаю. Не пишу, смотрю на ужасы.
Колобки толпою катятся - от волка к волку,
здесь хорошего не будет, сколько ты не мучайся.
Будут грабить убивать красные макаки,
запряженные ослы малость поупрямятся,
их на бойню повезут в повозке цвета хаки,
уж ослами-то макаки авось не подавятся.
Человек макак не ест, его песня спета,
он как Дон-Кихот кричал в тюрьмах ссылки
снах,
а теперь он постарел, не поняв, что это
была битва с муляжом, песня для макак.
Забери Аллах их всех, дарвинских любимцев,
я прошу свободы от и таких стихов,
и от сеянья трудов на поле лихоимцев,
ядовитых их плодов в стане дураков,
где герой, мы знаем, кукла, супротив -
титан-злодей,
Крон, богами не стесненный, поедающий детей.
Нам Сысоев нарисует не такой еще лубок,
улетает всяк упругий и прыгучий колобок.
Перепрыгивать заборы в лабиринте, делать дырки -
это был, наверно, высший пилотаж,
но магические стены пали - вот арена цирка,
говорим: давай валюту, лучший цирк, мол,
в мире наш.
Надсмехаться да плакать, сколько можно,
опускать глаза долу, глядеть мимо,
и со сталинским серпом - за таможду:
всё картон, мол, авангард, пантомима.

Но живет в нас, как открыла наука,
идеальный Я в отдельной программе:
хоть вот ты колобок, а ноги-руки
и судьба твоя записаны в какой-то голограмме.
К идеальному в себе устремясь: прыг-скок,
спотыкаюсь о совок,
на который как в море волной
подметают поганой метлой.

II. СОВОК И СОВА
(философские стихи)

Прощай, совок, и веник у совка,
березовый, российский, трехлитровый,
в нем донорская кровь - состав ЗК
ЦК ЧК ДК - какашка, словом.
Прощай же, ухаристая сова!
Сук, на котором и который рубят,
еще немного греет как дрова,
но как зола в совке - все чувства тупит.

III. ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ О СОВКЕ

Совок домашний - уют всегдашний,
муку насыпать, полы подмести,
в песочек детям - купи за этим,
за всем за этим - слепая месть:
изготовитель - иди к ответу,
муки песочка квартиры нету,
с одним совочком идти по свету,
изготовитель - иди к ответу!

1989

* * *

Трудный выдался период, нервно-политический,
и какой ни сделай вывод - все он не практический,
все сиди в своем доме и труди себя саму
и нуди в дыму отечества: "отечество - в дыму".
Все же виден невольничий рынок, они же - паства,
паралитик-матрешка, недвижимость звездосерпного
царства,
инвалид-страстотерпец, просит долларов как
лекарства,
надев как медали серпы, спецодежду как ясность:
это мы, не рабы, это мы, перестройка и гласность.
В аляповатых своих клубочках мы на полках пылали,
но теперь мы как сонм попугаев прем в чудные
дали,
мы же больше ничем, мы же только собой обладали.
Окольцованной ножкой мы топнем, ведь мы не
матрешки,
у нас ножка теперь появилась в ответ на калошки.
Хрен пошлешь ты кого на картошку, сбесившийся
Ирод,
хоть в ней нет никого, даже нас нет - Respublica
vivat!
это вывод трудившихся в трудный и дымный период.
Гильотину строят здесь с вечными младенцами,
ты окошечко завесь крепче полотенцами.
Вот совет. И - от Завету до Совету -
как еврей, значит, мы теперь по свету.

ЧТЕНИЕ СТИХОВ

Я читаю шрифт
и его на листе рисунок -
в лестничной клетке лифт,
кто-то в него засунут -
он и едет, чтение сверху вниз -
звучом лифта - стихов. Вроде бы удались,
если встречаешь того, кто идет на связь.
Снизу вверх плетясь
по полям бумаги,
ты попал в десятку - если ключ увяз.
(Мания наблюдения)... и в квартире главное - вид,
видеть этот пейзаж до битв
и прощаться, прощаясь - чего с собой?
И - ничего. Не кактус же! Кактус - в бой,
не хуже гранаты
превращает врага в ежа.
Если писать не буквы - иголки,
ставя даты,
то последняя будет как лифт сорвался - визжа.

1989

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Боре Юхананову

Стволы деревьев - стволы, дерево же - приклад,
паутина похожа на бинт, кровь - на йод,
черный паук - черный пупок -
выпустил скоко-то тысяч шасси, а ковшей --
стократ,
собака лает, караван идет.
Пушки палят, музы молчат, живая собака лучше
мертвого льва,
бессмертие - вклад в бизнес гиен и к народным
забавам приплод,
паутина - канва,
собака лает, караван идет.
Паутинка - косынка на голову, не платок носовой.
Кто, поплакав в бумажку, утешится,
что попал в переплет?
Муза стала Сиреной, поднимающей вой,
собака лает, караван идет.
Бог не завязывает пупков и не завершает ход.
От сетей любви отделяя плод,
в сеть свою мы включаем его - живет,
собака лает, караван идет.
Паутина - холст, на который наносят и нас. Когда
в моде художнички - это, гляди, беда,
подбирают в колер тебя и в стиль,
остается так мало прозрачных сил,
всюду фронт и нигде не тыл,
вот в пословицах только и ищешь тыла.
Паутина - мочалка, пучина мочила - не мыла,

мысль сбивается в пену, шерсть дыбом встает -
на кого лает собака, куда караван идет?

1989

* * *

Голем миксером сбивает и мешает,
измельчает свою легкую добычу,
а страна такая зверская большая,
выпить кровь ее медвежью или бычью -
то не пьянка пронесется черным мигом
(мавзолей кашеев всем нам гробом),
смерть с серпом глядит исламским игом.
Бело-сине-красный флаг, попробуй!
Вознесись, последний шанс свободы,
хоть в Россию невозможно верить,
у нее ведь нет своей породы,
а амбиций - просто не измерить,
золотым крестом ее распяли,
золотым крестом ее крестили,
развернись, слезавшийся в опале,
бело-сине-красный флаг России!

1989

* * *

И.Б.

Можете угрожать
направлять ВЕТАСАМ
я не буду рожать
и без любви не дам.
Earl-Grey заварив,
на арденнскую ветчину
налетаю как гриф
не будучи хищником. Я так жду, тяну.
Протянув восемнадцать лет, наконец и вдруг
я протягиваю все свои восемнадцать рук
не будучи спрутом, но по органу в год
вырастало от ожидания, как Сонь и Тойот -
моя техника от японской - не отстает
по опосредованности объятий.
Но теперь - техника за дверьми,
лучшее чудо из всех семи
позволяет нам целоваться. И жутко, кстати:
можно пойти дальше, чем держит сердце,
двести ударов в минуту в одной кровати
может испепелить в двести граммов красного перца.
Уходи, уходи - говоря себе так,
как говорила другим, выходя сухой из атак,
я выхожу в другой мир, имя ему - бардак,
воровство и шантаж, беспредел на крови,
и неправда, что жизнь дальновидней любви.

1989

ПИСЬМО РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

После этапа харда и блуда
белый воротничок конверта (презерватив бумаги)
нас ведет к переписке.

На Востоке все связаны как верблюды -
плюются, бедняги. Не то что киски.

Мне придется этапом означить и русский,
перейдя на английский

Now are you? Эти чертовы переводы
все меняют: горбы на банты и год на годы.

В голландском музее мне дали справку,
что я не ведьма.

Справки в Москве не редкость, в музей им рано.

Рейн сказал: это кошка русской поэзии,

Бродский просто сказал мне: мяу.

Также заметили: морда сиамской кошки,

глаза горят в темноте... "Врет,

что не ведьма, верблужий оборотень".

Вот.

Из каравана письма идут по цепочке,
их успевают потрогать за все пупочки,
хард и блуд продолжают - много рук,
много оружия и на тебя орут.

Угол зренья сужая - стреляешь в круг,

расширяя - врываешься в порочный пруд.

Ежели ты верблюд.

Holland - it's very good.

Camel - cigarettes, only image, пиши вот письма:

ни там, ни здесь не поймут.

* * *

Я уйду в занавешенный угол, как предок
к обедне,
дернуть эфир за волну, чей небесный гребень
прочесывает то что я называю моим -
в одну конвульсию. Это и есть молебен.

Постоянный ток - иногда включающий руку в провод
и выдрагивающий стишок - что его коротит,
заставляя меня тук-тук фью-фью обуквивать
телеграмму,
ожидая в награду как зверь за трюк - сахару -
тазепаму.

Гуд в башке, спазм башенных перекрытий
и балюстрад,
будто землетрясение где-то там под настилом,
молниевый разряд.
Телепатия - не по силам,
но есть с кем встретиться, есть, хотя
только копия света рождает живость, синдром
жизнь.

1989

ВЕТЕРОК

Связной не просто доставляет почту,
Гермес не зря зовет себя Гермесом,
он насылает и отводит порчу
в даль запузырья за дорожным лесом.

А русская душа - костер в потемках,
и дальше леса нету ей резону,
мы с нарочными щлем золу в котомках,
а нам пересылают спички в зону.

На пепелище как при сильном ливне
всё в пузырях, а может, волдырями
покрылись те поля, что всех наивней
меркуриеву хитрость принимали

то Богдыхана всучит, то вот Ленин
подкинут им как ласточка прогресса,
но ветерок меняет направление:
что дикари, когда не стало леса?

1989

* * *

Пение сироты
радует меломана
И.Б.

Что поет сирота?
Ясно, не марсельезу.
И не дает дрозда,
и не зовет в аскезу,
и в недраном трико
под голодранкой кровли
не поет Сулико,
и без коротковолновой ловли
обходится, без ТиВи
с его кротким взглядом,
неужели и без любви
тоже может, а может, рядом
и не рядом, скорей, внутри
обретается некий призрак?
Обретается, посмотри,
как она подает тут признак.
Пусть уж ладно не пьет вина
как собака сидит на сене,
ей бы главное - тишина,
не поет, не выносит пеня.

1989

* * *

Н.З. - Нью-Зиланд.

Раз уж вспомнили о Неприкосновенном Запасе,
значит, прикосновенье к совку - не его зоиллов,
а сирот его, матерный образ не опостылет -
прикосновенье же все опасней:

все бесчувственней - ни шерстинки
на шкурке его, ни родинки.

Можно любить глаза у уродинки и касаться века,
где реснички выпали, белок и радужка
стрельнули в космос и во врага,
в общем, осталась обертка одна, фольга
с голограммной глубинкой.

Можно всматриваться и ждать, что она оживет,
протыкать ее финкой -

так вел себя зритель в раннем кино,
а Н.З. - старинное полотно.

* * *

Не стар, не бестселлер - мичуринский опыт мутаций
волнует новой волной (вернее, лучшим в ней -
пенной),
кружевница волнует, Парка дырочек между нитью,
в перекладинах смысла волнует запах
сруба, вагонки - не дизайн.
Всё же слух занимают: подонки,
развалюха избы с напряженьем на импорт
и на съёб. Хорошо тем, кто выперт.
Неучастие в гонке -
буколика - не Вергилий (и не гордый Овидий),
тут дворняжки людей и породы собачек,
нет устриц и мидий,
золоченой кареты и тоги, все мысли о МИДе,
об ОВИРе, но эти нитраты, затраты, их нервность -
эфемерность одна заплывает своей пеной,
и накроет спортсмена вот-вот с головой
эфемерность.

1989

* * *

Псу - предпочтенье перед
л... Есть же чудо-звери,
те кто живут не в стае стаде,
а среди высших существ - не в ограде,
дома. Если бы л... жили у высших дома!
Л... - неприличное слово, в целом
л... неприличны, как части их тушек и сфер
сообщенья, когда эвфемизм Люцифер
облегчает их нервный пузырь.
Наливая почаще в него эликсир,
л... гудят и кучкуются - дефицит
собственной личности, чтобы тебя хотели
и не могли купить, а купили б,
так клали в свою постель
высшие существа. Те же л...
Астронавты не прилетели.
Псу дороже собственной жизни х...,
высший смысл обретен им, а звезды в таком верхе,
что не увидеть слабым собачьим зреньем
и не прочесть обращения к ним в стихе.

* * *

А я не заслужила лучшего
в российских судорогах родиться,
я здесь зависима, приручена
одна - среди пар и коалиций.
Я продолжала жить с охотой,
пока охота шла на выхухоль.
На дичь - я просто заработаю,
но где душа была - там опухоль.

1990

* * *

Теперь чего-то созидать бы,
но задымление в груди
уже не заживет до свадьбы,
поскольку свадьба - позади.

Горело топливо страстное,
теперь питаешься как хам,
и в сени ласточка с весной
летит как памятник стихам.

И стало все лететь камнями,
и падать россыпью гранат,
но в том, что здесь начнется нами
никто не будет виноват.

1990

* * *

Что на том свете чувствует абрек,
противившийся всем смертельным дозам?
Что он крепыш из племени калек,
с разжиженным, но не прокисшим мозгом,
что он наговориться бы не мог
на языке тех светов; что планида
планете - как коням морской конек,
засушенный на том конце евклида?
Он на своем коньке пылит в волнах,
поскольку море тоже пересохло.
На том-то свете он, конечно, прах,
хотя ему там, может, и неплохо.

1990

* * *

Душа не может сдаться телевиденью
и безнадеге тоже не сдается,
она сопротивляется предвиденью
и хочет повлиять на ход эмоций.
Разрухи нет, разлуки, голодухи нет,
безлюбья, злобной муки... на паркет
она глядит неметенный испуганно,
что подмести как будто смысла нет.
Без смысла нет и меньшего движеньица,
слечь в койку, а с утра скакать как блядь,
вот потому у нас сто раз и женятся,
чтоб никогда надежды не терять.
Еще достанешь фотоаппаратище
проверить, все ли в фокусе, пейзаж
проверить, не тюрьма ли тут, не кладбище,
не дача ль Горбачева, не блиндаж.
И есть ответ, признать его - не хочется,
пока в запасе чуда на чуть-чуть,
и говоря: "не знаю, куда котится",
я думаю - сумею повернуть.

1990

* * *

Мордобстоле страхолюдность книшкодральство -
и в забегах, и в ночной укладке то же,
или лезешь вон из кожи, взяв начальство,
иль начальство отпускаешь, дав по роже.
Или мытарем свободным едешь в Штаты,
возвращаешься - весь статуя Свободы,
а тебя встречают если не солдаты,
то по крайней мере, и не бутерброды.
И от этой неуверенности пухнешь,
и свобода отделяется от тела,
если завтра как дубинушка не ухнешь,
то считай, свобода напрочь улетела.
Наблюдаешь, как летит, и ухнуть хочешь,
но склероз хандроз и весь каскад агоний
тебя точат, и в ответ ты тоже точишь,
обостряя обстановку в регионе.

1990

* * *

Нам не проблема понять про Ирак,
но чтоб в цели разомкнуть проводочки,
надо учиться как Фридрих Ламарк
или как я сейчас - уголь в мешочке
быть, не с того что я в саже печной
пообвалялась, а в пламени этих
лет, разогнавших нас бурей свечной
как по команде зажегшихся свечек.
Если бы лампочка под колпаком,
если б искусство проводки, накала,
мы бы спаслись двадцать пять целиком
ватт или свечек, дающих так мало
света, но свечкино тело, горя,
дышет, дрожит, с ним ночами не страшно,
голый ампер-черепок упыря,
не забирай наших вольт в свою башню!
Нам не вопрос подучить и физмат,
только не в патовом положеньи,
где что ни ход, что ни слово, то мат,
что ни роза - розетка, и не то напряженье.

1990

Оглавление

О.Хрусталева. Предисловие без биографии.....	3
I Ноль Ноль.....	9
Предисловие.....	10
О пределах.....	11
Мачеха.....	12
Н. Н. :	
1. Путевые заметки.....	14
2. Обращение.....	15
3. О душе.....	16
4. Вестник.....	17
Женский театр.....	19
Эрос Поззис.....	22
"Что для вегетатики события...".....	23
"Нешопеновский этюд".....	24
"Мой идеологический противник...".....	25
"Так было тошно, что я что могла, то ломала...".....	26
"Пуль не надо, сердце рвется само...".....	27
"Линяя, выцветая всласть от частых стирок...".....	28
Зооморфная элегия.....	29
"Всегда в июле лето, всегда в июле зелень...".....	31
Пасхальный коан.....	32
Клубничная пенка.....	34
ПРЕ.....	36
Сафо и Алкей.....	37
К тысячелетию крещения Руси.....	38
Письмо современнику.....	39
NO SMOKING!.....	41
"Не знаю, не знаю, какая там вита нова...".....	43
"Не орел не решка - значит, вопрос ребром...".....	44
Рождественский коан.....	45

II Из кн. "Натюрморт с превращениями".....	47
Таллом.....	48
Я лепесток, я лепет, я лепешка...".....	49
Натюрморт.....	50
"Скисает молоко - его душа, туман...".....	51
Хорошо жить в столице.....	52
У художника Дмитрия Плавинского.....	54
А-Ъ.....	55
Колыбельная бессонницы.....	56
Крик обезьян.....	57
Тбилиси.....	58
Поэма царства и лаборатории.....	59
Поэма об абсолютном.....	62
Сад.....	65
Акrostих.....	67
"Диафрагма дрожит как мембрана...".....	70
Русалка.....	71
Вариации на тему "Евгения Онегина":	
1. Письмо Татьяны.....	72
2. О поэтическом переводе.....	74
Стефан Малларме "Полдень Фавна".....	75
3. Шекспировские (в пер. Пастернака) мотивы.....	80
4. Стихи, написанные ночью во время бессонницы.....	82
Поэма барокко.....	83
"Такси, вези меня в библиотеку...".....	85
III Из кн. "Новый Пантеон".....	87
Заглавие.....	88
Первое начало.....	89
Позднее слово.....	90
Дом, внутри тайна.....	91
Вина.....	92
Врачевание.....	93
Страсть.....	94
Гороскоп.....	95
Игра в дурака или гадание на картах.....	96
Треугольник.....	98
Предмет.....	101
Послание Катулле.....	102

Гай Валерий Катулл "Лесбия, 5".....	104
Нарцисс.....	105
Песенка для утешения взрослых.....	106

IV Из кн. "Цветные решетки"..... 107

"Я плачу оттого что нет грозы...".....	108
"Уплотнилась тень Луны, очертилась...".....	109
Чистопрудный бульвар.....	110
Пролог сказки.....	111
Икар.....	113
"Вспоминать одно, и вот...".....	114
Лето.....	115
"Склеп. А в склепе изморозь на стенах...".....	116
Гоя (триптих).....	117
"Печень клюет мне орел с голубыми глазами...".....	120
"Сжимать губами сахарную сливу...".....	121
Лубок-цы.....	122
Желубок.....	123
Одесса (сонет).....	124
Под Одессой (сонет).....	125
"Мне желать уж нечего, я выросла...".....	126
Матримониальный лубок.....	127
"Ох, не надо бы рваться из упряжки...".....	128
Тридцать секстин.....	129
Франсуа Вийон "Баллада".....	135

V "Лебединая песня"..... 137

Часть первая..... 138

Часть вторая..... 159

Послесловие к I и II чч..... 181

Часть третья..... 183

пролог-эпилог I..... 183

пролог-эпилог II..... 185

пролог-эпилог III..... 186

п е с н и..... 188

"Меж черными стволами снег..."	189
"Кислая капуста в ноябре..."	191
"Все - зима, все краса, все забыто..."	192
"Как объяснить безветрие, мой друг?..."	193
"Твое молчанье режет слух..."	194
"Если мы доживем до апреля..."	195
"Дух дорог и расстояний..."	196
Песня Данаи	198
VI Лимерики	199
VII Стихи 1988 - 1990	205
"Я сплю в твоём свитере..."	206
"Он поет в микрофон как в цветок..."	207
"Данте, Рембрандта, бельканто..."	208
Герой	209
Басня о любви	210
Видео	211
"Гася тридцать третий бычок..."	212
Поэт и царь	213
Шелковый бес	215
Звезда	216
/триптих/:	
I. Баллада о совке	217
II. Совок и сова	219
III. Грустная песня о совке	220
"Трудный выдался период..."	221
Чтение стихов	222
Пословицы и поговорки	223
"Голем миксером сбивает..."	225
"Можете угрожать..."	226
Письмо русского путешественника	227
"Я ухожу в занавешенный угол..."	228
Ветерок	229
Что поет сирота?	230
Н.З. - Нью-Зиланд	231
"Не стар, не бестселлер - мичуринский опыт мутаций..."	232
Псу - предпочтенье перед...	233
"А я не заслужила лучшего..."	234

"Теперь чего-то созидать бы..."	235
"Что на том свете чувствует абрек..."	236
"Душа не может сдаться телевиденью..."	237
"Мордобстолие страховодность кишкодральство..."	238
"Нам не проблема понять про Ирак..."	239

Татьяна Георгиевна Щербина

**Альманах ЛИА Р. Элинина
Выпуск 5**

Редактор В. Геворкян
Корректор А. Верди

Тираж 1500
Цена договорная

Литературно-издательское агентство Р. Элинина
109017, Москва, Ордынский туник, 6

Цена договорная